

П. Б. Струве

«Русская свобода и Великая Россия»

Публицистика 1917–1920 гг.

 фонд Связь
ЭПОХ

Издательский центр
«Воевода»

Москва 2020

Исследование выполнено и опубликовано в рамках гранта
Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук № МК-621.2019.6

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Научный редактор и автор вступительной статьи:
к.и.н., старший преподаватель Института истории СПбГУ А.А. Чемакин,
составители и авторы комментариев: А.А. Чемакин
и бакалавр истории А.А. Пигарев

Рецензент: к. и. н. М.А. Колеров

Струве П.Б.

С87 «Русская свобода и Великая Россия». Публицистика 1917–1920 гг. / науч. ред. и авт. вступ. ст. А.А. Чемакин, сост. и авт. коммент. А.А. Чемакин и А.А. Пигарев. – М.: Фонд «Связь Эпох»; Издательский центр «Воевода». – 352 с.; 16 с. ил.

ISBN 978-5-9907253-3-1

Сборник статей, речей и интервью известного экономиста, историка, философа и политика Петра Бернгардовича Струве (1870–1944) содержит 125 текстов, датированных мартом 1917 – ноябрем 1920 г. П.Б. Струве – в прошлом автор манифеста РСДРП и редактор нелегального журнала «Освобождение» – в годы Революции и Гражданской войны стоял у истоков Добровольческой армии, редактировал «Великую Россию» – одну из ведущих газет белого Юга, был министром иностранных дел в Крымском правительстве П.Н. Врангеля. В статьях и речах, большая часть которых републикуется впервые, Струве предстает перед нами и как ученый, глубоко анализирующий происходящие события, и как политик, находящийся в самой гуще борьбы.

Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей России.

УДК 821.161.1
ББК 63.3(2)611 + 63.3(2)612 + 76.01

На фронтисписе:
Петр Бернгардович Струве
Париж, 1919 г.

ISBN 978-5-9907253-3-1

© Чемакин А. А., вступ. ст. и коммент., 2020
© Пигарев А. А., коммент., 2020
© Фонд «Связь Эпох», оригинал-макет, 2020
© ООО «Издательский центр «Воевода», издание, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Чемакин. «Он дошел до “Великой России” и сейчас в диктатуру влюблен»: П. Б. Струве в 1917–1920 гг. (К 100-летию публикации «Размышлений о русской революции») 13

П. Б. СТРУВЕ

СТАТЬИ, РЕЧИ, ИНТЕРВЬЮ. 1917–1920 гг. 73

Освобожденная Россия («Русская мысль», март 1917 г.) 75

Наша задача («Русская свобода», апрель 1917 г.) 75

Русская революция и мир. Открытое письмо Ж. Жоресу
(«Русская мысль», апрель 1917 г.) 77

«Публицист-гражданин. Литературный сборник,
посвященный памяти Григория Константиновича Градовского»
(рецензия) («Русская мысль», апрель 1917 г.) 82

И.А. Линниченко. «Проект нового университетского устава»
И.А. Линниченко. «По поводу заметки М.М. Ковалевского о двух
ученых степенях» (рецензия) («Русская мысль», апрель 1917 г.) 83

Лига русской культуры («Русская свобода», 12/25 мая 1917 г.) 84

Иллюзии русских социалистов («Русская свобода», 7/20 июня 1917 г.) 86

Без аннексий и контрибуций («Русская свобода», 7/20 июня 1917 г.) 88

Несколько слов о Лиге русской культуры
(«Русская свобода», 21 июня / 4 июля 1917 г.) 90

России нужно организованное патриотическое движение
(«Русская свобода», 21 июня / 4 июля 1917 г.) 92

Памяти В.М. Хижнякова («Русская мысль», июнь 1917 г.) 94

Речь П.Б. Струве на Втором Всероссийском торгово-промышленном
съезде в Москве 3/16 августа 1917 г. (вечернее заседание) 95

Доклад П.Б. Струве на Московском совещании общественных деятелей 9/22 августа 1917 г. (утреннее заседание).....	95
Выступление П.Б. Струве на Московском совещании общественных деятелей 9/22 августа 1917 г. (вечернее заседание).....	101
А.С. Изгоев. «Наши политические партии» (рецензия) («Русская свобода», 30 августа 1917 г.).....	101
Густав Шмоллер (некролог, зачитанный П.Б. Струве в заседании Отделения исторических наук и филологии РАН 4/17 октября 1917 г.) («Известия Академии наук», 1/14 ноября 1917 г.).....	102
Речь П.Б. Струве на заседании Временного совета Российской республики (Предпарламента) 20 октября / 2 ноября 1917 г.	104
В чем революция и контрреволюция? Несколько замечаний по поводу статьи И.О. Левина («Русская мысль», декабрь 1917 г.).....	117
А.А. Мануилов. «Политическая экономия. Курс лекций. Выпуск 1» (рецензия) («Свобода России», 10/23 мая 1918 г.).....	120
Государственность и культура («Накануне», июнь 1918 г.).....	122
«Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии» (рецензия) («Русская мысль», июнь 1918 г.).....	124
Б.Е. Будде. «Основы концепции нормального хозяйства» (рецензия) («Свобода России», 21 июня / 4 июля 1918 г.).....	125
Предисловие к сборнику «Из глубины» (август 1918 г.).....	126
Исторический смысл русской революции и национальные задачи (сборник «Из глубины», август 1918 г.).....	127
Большевизм и Россия («Северная жизнь», 11/24 декабря 1918 г.).....	139
В чем возрождение России? («Северная жизнь», 21 декабря 1918 г. / 3 января 1919 г.).....	141
Пророчество М.Ю. Лермонтова о русской революции («Русский листок», 21 декабря 1918 г. / 3 января 1919 г.).....	143
Потери русской науки. Новые члены Российской академии («Северная жизнь», 22 декабря 1918 г. / 4 января 1919 г.).....	144
Совещание в Выборге («Русская жизнь», 29 декабря 1918 г. / 11 января 1919 г.).....	145
Великий князь Николай Михайлович. In memoriam (некролог, февраль 1919 г.).....	146

Речь П.Б. Струве о добровольческой армии, произнесенная на чрезвычайном собрании Русской торговой палаты в Париже 16/29 марта 1919 г.....	148
Пути к возрождению России (мнение П.Б. Струве) («Русская жизнь», 28 марта / 10 апреля 1919 г.).....	150
Большевизм и Ленин («Общее дело», 16/29 августа 1919 г.).....	150
Запад и большевизм («Родина», 29 августа / 11 сентября 1919 г.).....	153
Доклад П.Б. Струве о заграничных впечатлениях и по вопросу об отношении России к Западу и Западу к России, сделанный на заседании Совета государственного объединения России 16/29 сентября 1919 г. («Отклики Кавказа», 22 октября / 4 ноября 1919 г.).....	156
Беседа П.Б. Струве с сотрудником газеты «Свободная речь» (20 сентября / 3 октября 1919 г.).....	158
Россия и Запад («Великая Россия», 22 сентября / 5 октября 1919 г.).....	159
«Восстановление промышленности» («Великая Россия», 22 сентября / 5 октября 1919 г.).....	161
П.Б. Струве о положении в Европе и в России (беседа с сотрудником газеты «Приазовский край» (25 сентября / 8 октября 1919 г.).....	162
Памяти М.В. Алексева (речь П.Б. Струве, произнесенная в Ростове-на-Дону 25 сентября / 8 октября 1919 г.) («Великая Россия», 26 сентября / 9 октября и 2 сентября / 10 октября 1919 г.).....	165
Основные начала экономической политики («Великая Россия», 29 сентября / 12 октября 1919 г.).....	169
Правительственный кризис в Англии («Великая Россия», 4/17 октября 1919 г.).....	170
Передовая статья «Великой России» 5/18 октября 1919 г.....	171
Устроение тыла («Великая Россия», 5/18 октября 1919 г.).....	172
Доклад П.Б. Струве о заграничных впечатлениях, сделанный на собрании Всероссийского национального центра 5/18 октября 1919 г.....	173
Передовая статья «Великой России» 6/19 октября 1919 г.....	176

Современное положение и задачи экономической политики (речь П.Б. Струве, произнесенная в совещании деятелей торговли и промышленности в Ростове-на-Дону 6/19 октября 1919 г.) («Великая Россия», 10/23 октября 1919 г.)	177
Передовая статья «Великой России» 8/21 октября 1919 г.	179
Экономическое крушение Советской России («Великая Россия», 8/21 октября 1919 г.)	180
Взятие Петрограда («Великая Россия», 9/22 октября 1919 г.)	181
Памяти двух русских историков («Великая Россия», 10/23 октября 1919 г.) . . .	183
Организация классов («Великая Россия», 11/24 октября 1919 г.)	184
Передовая статья «Великой России» 13/26 октября 1919 г.	185
Памяти А.С. Белевского-Белоруссова («Великая Россия», 13/26 октября 1919 г.)	186
Русская агитационная работа за границей («Великая Россия», 15/28 октября 1919 г.)	187
Передовая статья «Великой России» 20 октября / 2 ноября 1919 г.	188
К земельному вопросу («Великая Россия», 20 октября / 2 ноября 1919 г.)	190
Власть должна верить в себя («Великая Россия», 29 октября / 11 ноября 1919 г.)	192
Платеж за землю и курс рубля («Великая Россия», 30 октября / 12 ноября 1919 г.)	193
Против малOVERов и малодушных тыла («Великая Россия», 31 октября / 13 ноября 1919 г.)	195
Национализм («Великая Россия», 1/14 ноября 1919 г.)	197
Самостийническая демагогия и кубанские войны («Великая Россия», 2/15 ноября 1919 г.)	198
После мировой войны (публичная лекция П.Б. Струве в Ростове-на-Дону 3/16 ноября 1919 г.)	199
Твердость («Великая Россия», 8/21 ноября 1919 г.)	208
Управление на местах («Великая Россия», 10/23 ноября 1919 г.)	209
Происхождение и исторический смысл русской революции. Философия второй великой русской смуты (публичная лекция П.Б. Струве в Ростове-на-Дону 10/23 ноября 1919 г.)	211

Деловая программа («Великая Россия», 13/26 ноября 1919 г.)	220
Тенденциозная критика («Великая Россия», 16/29 ноября 1919 г.)	221
Серьезный вопрос («Великая Россия», 17/30 ноября 1919 г.)	222
Освобождение из Быхова («Великая Россия», 19 ноября / 2 декабря 1919 г.)	224
Никаких разговоров («Великая Россия», 20 ноября / 3 декабря 1919 г.)	224
Политическое прожектерство («Великая Россия», 21 ноября / 4 декабря 1919 г.)	226
К письму Г.В. Вильямса («Великая Россия», 24 ноября / 7 декабря 1919 г.)	228
Основные задачи финансовой политики («Великая Россия», 26 ноября / 9 декабря 1919 г.)	229
Новое религиозно-философское общество («Великая Россия», 26 ноября / 9 декабря 1919 г.)	231
К назначению генерала Врангеля («Великая Россия», 27 ноября / 10 декабря 1919 г.)	231
Откровенное слово («Великая Россия», 30 ноября / 13 декабря 1919 г.)	233
Беспредметные устремления («Великая Россия», 1/14 декабря 1919 г.)	234
Англия и Россия (речь П.Б. Струве на совещании об англо-русских отношениях в Ростове-на-Дону 1/14 декабря 1919 г.) («Великая Россия», 3/16 декабря 1919 г.)	235
Что же нам нужно? («Великая Россия», 5/18 декабря 1919 г.)	238
Чем занимается за границей г. Керенский? («Великая Россия», 5/18 декабря 1919 г.)	239
Трудный момент («Великая Россия», 6/19 декабря 1919 г.)	240
Что делается в Сибири? («Великая Россия», 8/21 декабря 1919 г.)	241
Отречение от Керенского («Великая Россия», 8/21 декабря 1919 г.)	242
Организация полиции («Великая Россия», 11/24 декабря 1919 г.)	243
Великая борьба («Великая Россия», 13/26 декабря 1919 г.)	244
Пустословие («Великая Россия», 13/26 декабря 1919 г.)	245
Необходимая отповедь («Великая Россия», 15/28 декабря 1919 г.)	246
К спорам об общественности («Великая Россия», 19 декабря 1919 г. / 1 января 1920 г.)	247

Реорганизация правительства («Великая Россия», 20 декабря 1919 г. / 2 января 1920 г.)	248
Важный полемический итог («Великая Россия», 20 декабря 1919 г. / 2 января 1920 г.)	248
Реконструкция Отдела пропаганды («Великая Россия», 21 декабря 1919 г. / 3 января 1920 г.)	249
Знаменательный поворот («Великая Россия», 24 декабря 1919 г. / 6 января 1920 г.)	250
Одиннадцатый час («Великая Россия», 11/24 января 1920 г.)	252
Смысл происшедшего на Юге России (неопубликованная аналитическая записка) (15/28 января 1920 г.)	252
Речь главнокомандующего («Великая Россия», 21 января / 3 февраля 1920 г.)	255
Князь Е.Н. Трубецкой («Великая Россия», 25 января / 7 февраля 1920 г.)	256
«Снятие блокады» («Великая Россия», 4/17 февраля 1920 г.)	257
Свобода торговли большевизмом («Великая Россия», 6/19 февраля 1920 г.)	258
Передовая статья «Великой России» 8/21 февраля 1920 г.	259
Передовая статья «Великой России» 12/25 февраля 1920 г.	260
Вера и верность («Великая Россия», 14/27 февраля 1920 г.)	260
Sursum corda («Великая Россия», 20 февраля / 4 марта 1920 г.)	261
Передовая статья «Великой России» 22 февраля / 6 марта 1920 г.	262
Промотанная Россия («Великая Россия», 22 февраля / 6 марта 1920 г.)	263
П.Б. Струве о прекращении гражданской войны (беседа с представителями печати) («Южные ведомости», 12/25 апреля 1920 г.)	264
П.Б. Струве о моменте («Бюллетень Бюро русской прессы в Константинополе», 22 апреля / 5 мая 1920 г.)	265
Письмо П.Б. Струве («Последние новости», 10/23 мая 1920 г.)	266
Политика Крымского правительства (беседа П.Б. Струве с сотрудником газеты «Последние новости») (16/29 мая 1920 г.)	266
Внутренняя и внешняя политика генерала Врангеля (беседа П.Б. Струве с сотрудником газеты «Общее дело») (19 июня / 2 июля 1920 г.)	268

Заявление П.Б. Струве для прессы («Le temps», 6/19 июля 1920 г.)	270
Беседа П.Б. Струве с сотрудником газеты «Последние новости» (9/22 июля 1920 г.)	271
Армия генерала Врангеля и большевики (беседа П.Б. Струве с сотрудником газеты «Общее дело») (10/23 июля 1920 г.)	273
Заявление П.Б. Струве в Варне (июль 1920 г.)	274
Беседа П.Б. Струве с сотрудником газеты «Великая Россия» (29 июля / 11 августа 1920 г.)	275
Европа и мы (беседа П.Б. Струве с представителями крымской печати) («Юг России», 30 июля / 12 августа 1920 г.)	276
Беседа П.Б. Струве с представителем Отдела печати («Таврический голос», 31 июля / 13 августа 1920 г.)	278
Доклад П.Б. Струве «Наше международное положение» на заседании «Внепартийного совещания государственных и общественных деятелей» в городской думе Севастополя 5/18 августа 1920 г.	279
Речь П.Б. Струве «Россия и мир. Гражданская война и наше международное положение» на народном собрании в Севастополе 16/29 августа 1920 г.	280
П.Б. Струве о моменте (беседа с сотрудником газеты «Общее дело») (2/15 октября 1920 г.)	284
Беседа П.Б. Струве с сотрудником газеты «Последние новости» (4/17 октября 1920 г.)	285
Военно-политическое положение (беседа П.Б. Струве с сотрудником газеты «Общее дело») (21 октября / 3 ноября 1920 г.)	286
Ответы П.Б. Струве на анкету газеты «Общее дело», посвященную трехлетию большевистского переворота (25 октября / 7 ноября 1920 г.)	287
La séance continue («Общее дело», 4/17 ноября 1920 г.)	288
П.Б. Струве о задачах момента (из беседы с сотрудником газеты «Общее дело») (11/24 ноября 1920 г.)	289

ПРИЛОЖЕНИЕ	
ДОКУМЕНТЫ ЛИГИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	291
Устав Лиги русской культуры	293
Учредители Лиги русской культуры	294

Воззвание к русским гражданам	295
Воззвание к русской молодежи	295
ПРИМЕЧАНИЯ	297
АРХИВЫ, БИБЛИОТЕКИ, ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ	339
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	343

**«ОН ДОШЕЛ ДО “ВЕЛИКОЙ РОССИИ”
И СЕЙЧАС В ДИКТАТУРУ ВЛЮБЛЕН»:
П. Б. СТРУВЕ В 1917–1920 гг.
(К 100-летию публикации «Размышлений
о русской революции»)**

Политическая эволюция П.Б. Струве обычно проявлялась внезапно и смело, производя внешнее впечатление резкого перелома. Какая-нибудь журнальная статья за подписью Струве вдруг, на глазах у изумленного читателя, переводила автора из одного лагеря в другой – из социалистического в радикальный, из радикального в либеральный, из либерального в национально-патриотический. Никогда, однако, ни один вдумчивый критик не вздумал упрекнуть Струве в «измене». Слишком очевидной бывала его искренность, и в основе его эволюции всегда можно было открыть убедительную для автора идейную причину перелома. В самом деле, резкие внешние скачки являлись результатом медленного внутреннего назревания новых мыслей, которые, назрев, вырывались наружу в полной боевой готовности или шли в атаку без артиллерийской подготовки...

С. Поляков (Литовцев), 1921 г.¹

«Слишком левый для правых и слишком правый для левых» – он всегда был таким, каким мы знаем его и сейчас – националистом и патриотом.

С. Водов, 1925 г.¹¹

«Размышления о русской революции» – известный текст выдающегося русского экономиста, философа, историка, публициста и политика, одного из основателей Белого движения и министра иностранных дел во врангелевском правительстве Петра Бернгардовича Струве (1870–1944) – впервые был напечатан в софийской «Русской мысли» в начале 1921 г.¹¹¹, а вскоре вышел и отдельным изданием¹¹². Возможно, это одна из самых интересных и важных работ, содержащих осмысление событий 1917 г. и к тому же написанных непосредственным их участником и свидетелем, поэтому неудивительно, что она неоднократно становилась предметом анализа – исторического, философского, политологического. К сожалению, до сих пор «Размышления» существовали как бы в безвоздушном пространстве, вне контекста иных публицистических выступлений и размышлений Струве. Да и сама деятельность П. Б. в 1917–1920 гг., во время Революции и Гражданской войны, изучена недостаточно, а некоторые обстоятельства его жизни – в особенности в Ростове-на-Дону и Новороссийске на рубеже 1919–1920 гг., именно тогда, когда были произнесены две лекции, впоследствии и превратившиеся в «Размышления о русской революции» – и вовсе до недавнего времени были сплошным «белым пятном». Даже в подробнейшем ис-

¹ Поляков (Литовцев) С. Камо грядеши? // Последние новости. 1921. 6 марта. № 269. С. 2.

¹¹ Водов С. Петр Бернгардович Струве // Студенческие годы. 1925. № 1 (18). С. 35.

¹¹¹ Струве П. Размышления о русской революции // Русская мысль. 1921. Кн. 1 и 2. С. 6–37.

¹¹² Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921.

следовании Р. Пайпса говорится, что «о его пребывании на юге в последние месяцы 1919 года нам неизвестно практически ничего»¹.

Именно поэтому мы задались вопросом, в каких условиях были написаны «Размышления». Какие настроения владели тогда Струве? В.В. Чепарухин справедливо отмечал, что для того, «чтобы понять Струве (впрочем, как и любого человека), нужно знать его жизнь»². Примерно в том же духе высказываются и М.А. Колеров и Н.С. Плотников, говоря про Струве, что «его личный опыт и путь *практика мысли* и составляет главное его наследие»³.

В предлагаемый вниманию читателей сборник мы постарались включить большую часть того, что Струве написал и сказал в 1917–1920 гг. «Размышления о русской революции», давно известные всем людям, интересующимся историей русской политической мысли, также присутствуют в нем (причем под теми оригинальными названиями, под которыми были представлены в виде лекций на суд ростовской публики в ноябре 1919 г.), но в данном случае они являются лишь одним из множества текстов Струве, подавляющая часть из которых републикуется и вводится в научный оборот впервые за 100 лет. Таким образом, читатель сможет сам посмотреть, как эволюционировали взгляды Струве на протяжении революционного четырехлетия и как зарождались те мысли, которые найдут отражение в «Размышлениях», а также сделать вывод, был ли этот период в творчестве мыслителя разрывом с тем, что он декларировал прежде, или, напротив, являлся продолжением и развитием его идей «либерального консерватизма», вылившихся в чеканные формулировки уже в эмиграции. Прежде же чем перейти непосредственно к статьям, речам и интервью П.Б., необходимо осветить основные аспекты его политической и публицистической деятельности данного периода⁴.

* * *

В первой половине 1910-х гг. Петр Бернгардович Струве, бывший идеолог «легального марксизма» и автор манифеста Российской социал-демократической рабочей партии, впоследствии ставший одним из вождей русского либерализма, все больше и больше расходился со своими старыми соратниками по «освободительному движению». Наконец в 1915 г., на фоне достаточно ожесточенной дискуссии по украинскому вопросу, П. Б. вышел из Центрального комитета Партии народной свободы и, таким образом, фактически и из самой партии, так как к тому времени членство в ней, по сути, сводилось к присутствию в каком-либо из ее комитетов — центральном, губернском, городском и т.п. Несмотря на это, в последующие годы журналисты время от времени все равно причисляли его к кадетам (так, например, речь Струве в Предпарламенте, произнесенная им в октябре 1917 г., в репортаже «Нового

времени» выйдет с подзаголовком «Возражения кадетской партии»¹, а в 1919 г. один из лидеров русских националистов А.И. Савенко будет писать, что «среди кадетов есть Струве и Степановы»²). Сам Струве, насколько нам известно, никогда не выступал с опровержениями по этому поводу, но фактически организационная связь с кадетской партией им была утрачена в 1915 г., и впоследствии он писал, что выход из ЦК «реально и практически означал добровольное и окончательное оставление мною рядов названной партии, одним из духовных основателей которой я был в качестве редактора “Освобождения”»³. По словам лидера кадетов П.Н. Милюкова, Струве «ушел направо», сам же П. Б. утверждал, что «не столько он ушел направо, сколько в кадетских руководящих кругах начали преобладать слишком левые тенденции»⁴.

К началу 1917 г. Струве, открыто не примыкая ни к какой из партий или общественных групп, все больше и больше сближался с прогрессивными русскими националистами — во многом благодаря личным дружественным отношениям с одним из их лидеров, редактором «Киевлянина» и депутатом Государственной думы от Волынской губернии Василием Витальевичем Шульгиным. И в дальнейшем, в годы Гражданской войны, а потом и эмиграции, Струве и Шульгин будут тесно сотрудничать в рамках одной политической группы, которая, впрочем, так и не сможет организовать в отдельную политическую партию. Первое знакомство их произошло, вероятно, в 1907 г., во время работы Государственной думы II созыва. Струве, к тому времени уже один из известнейших политиков России, представлял Санкт-Петербург, а киевлянин Шульгин, о котором тогда еще никто не знал, был избран от Волынской губернии. Когда на первом заседании депутат П.Н. Крупенский провозгласил здравицу императору, произошло, по воспоминаниям Шульгина, следующее: «Вместе с Крупенским встало примерно 100 человек, то есть правые, умеренные националисты и октябристы, и поддержали Крупенского криками “ура!”. Остальные депутаты, примерно 400 человек, остались сидеть, желая этим выразить неуважение к короне. Но из этих четырехсот вскочил один. Он был высокий, рыжий, еще не старый, но согбенный, с большой бородой. Он встал, но на него зашикали соседи: “Садитесь, садитесь!” Рыжий человек сел, но вскочил опять, очевидно возмутившись. И опять сел, и опять встал. Как потом оказалось, это был профессор университета, впоследствии академик Петр Бернгардович Струве. <...> Как человек широко образованный, он, конечно, знал, что на приветствие монарха конституционалисты встают и отвечают приветствием же»⁵. Уже тогда поведение Струве произвело на Шульгина впечатление, хотя в то время они находились во враждебных политических лагерях: первый в либеральном, второй в черносотенном. Со временем их позиции сближались, чему способствовали и позиция Шульгина по делу Бейлиса, и критическое отношение Струве к украинскому сепаратизму. Как уже говорилось, летом 1915 г. Струве вышел из ЦК кадетской партии, разойдясь с другими его членами как раз по украинскому вопросу: в отличие от других либералов, он был жестким критиком «украинства». Некоторое время спустя Шульгин покинул фракцию

¹ Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944 (Т. 2). М., 2001. С. 351.

² Чепарухин В.В. Поборник свободы и культуры, неутомимый искатель истины. П.Б. Струве // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. II. СПб., 2003. С. 169.

³ Колеров М.А., Плотников Н.С. Творческий путь П.Б. Струве // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 102.

⁴ У нас нет намерения охватить все аспекты деятельности Струве в указанный период, и поэтому некоторые сюжеты будут описаны более полно, другие — лишь по касательной. Так или иначе, мы надеемся, что эти материалы будут полезны тому, кто в будущем возьмется за написание полной научной биографии П. Б.

¹ В Совете Российской республики // Новое время. 1917. 21 октября (3 ноября). № 14903. С. 2.

² Савенко А. Заметки. XXV // Киевлянин. 1919. 28 ноября. № 79. С. 1.

³ Струве П. Дневник политика. 226 (25). Памяти графа В.А. Бобринского // Россия. 1927. 26 ноября. № 14. С. 2.

⁴ ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 2. Д. 34. Л. 221.

⁵ Шульгин В.В. Главы из книги «Годы» // История СССР. 1966. № 6. С. 72.

националистов и вместе с рядом соратников создал фракцию прогрессивных русских националистов. Именно на 1915–1916 гг., по всей видимости, и приходится их сближение не только в идейном смысле, но и в плане личных взаимоотношений. В 1917 г. появилось еще одно обстоятельство, укрепившее связь Струве с Киевом и киевскими научными и политическими кругами. 18 февраля (3 марта) 1917 г. на юридическом факультете Киевского университета Струве защитил диссертацию на соискание степени доктора политической экономии и статистики — быть может, не без некоторого содействия Шульгина и его окружения (на это косвенно может указывать тот факт, что официальным оппонентом Струве на защите был А.Д. Билимович, женатый на сводной сестре Василия Витальевича)¹. Нет ничего удивительного в том, что Струве, профессор Петроградского политехнического института, решил защищаться в Киевском университете, в котором доминировали консервативные круги. В любом другом университете он мог столкнуться с серьезными проблемами, связанными не с научными вопросами, а с политическими — ведь многие представители академической среды уже давно, со времен «Вех», считали его «ренегатом» и «предателем идеалов русской интеллигенции», вследствие чего защита магистерской диссертации Струве в Московском университете в 1913 г. проходила в весьма скандальной атмосфере².

Струве, только что ставший доктором политической экономии и статистики, вернулся из Киева в Петроград буквально накануне Февральской революции, при этом, по всей видимости, заболев на обратном пути. 26 февраля (11 марта) 1917 г., когда город уже был охвачен беспорядками, взволнованный и полубольной П. Б. отправился к Шульгину и предложил идти к депутату-кадету В.А. Маклакову, а затем в Думу. «Мы пошли... Был морозный день, ясный... Ни одного трамвая, — трамваи стали, и ни одного извозчика, — вспоминал Шульгин. — Нам надо было идти пешком к Таврическому дворцу — это верст пять. Петр Бернгардович еле шел, я вел его под руку. <...> Нева была особенно красива в этот день... Мы остановились передохнуть, опершись на парапет Троицкого моста...»³ В последующие дни Февральской революции Струве не был особо заметен, хотя и находился все время в эпицентре — Таврическом дворце. Старший сын Струве Глеб вспоминал, что первый день революции он провел «вместе с отцом в самой гуще событий, в Государственной думе и по соседству, на квартирах его думских друзей»⁴. В.Х. Даватц, один из биографов П. Б., писал, что «“Февральская” революция глубоко потрясла Струве. Вскоре он воспринял ее как национальную катастрофу, после которой оставалась только слабая надежда, что живые национальные силы победят анархию»⁵. На самом деле осознание того, что «Февральская революция не есть просто неудача, а именно — исторический выкидыш», прославление которого «есть либо вредное самообольщение, либо настоящий обман»⁶, пришло не сразу. Большевик Ф.Ф. Раскольников, ранее учившийся в Политехе, вспоминал о том, как случайно встретился в коридоре со своим бывшим преподава-

телем: «Мы на ходу обмениваемся рукопожатиями, его лицо блином расплывается в торжественную улыбку, и он с радостным умилением произносит: “Какой праздник! Какой праздник!” Ему тогда казалось, что революция — это праздник на его улице»¹. Первые дни Струве был полон надежд и даже сказал своему другу философу Семену Людвиговичу Франку, что «теперь Россия пойдет вперед семимильными шагами». Когда несколько лет спустя, уже в эмиграции, Франк напомнил ему об этих словах, П. Б. ответил лаконической репликой: «Дурак был»².

Эта эйфория первых дней революции видна еще в статье «Освобожденная Россия», опубликованной в февральской (фактически — мартовской) книжке редактируемой Струве «Русской мысли», но уже и в ней заметны первые сомнения и проистекающие из них призывы беречь армию. Март прошел в безумном водовороте митингов, собраний, выступлений. С.Л. Франк рассказывал, как однажды Струве приехал к нему вместе с академиком С.Ф. Ольденбургом с целью позвать на какое-то собрание или митинг в городской думе: «Помню, мы ехали на каком-то казенном автомобиле, на подножках и крыльях которого, по обычаю тех дней, стояли и лежали солдаты с ружьями на прицел — неизвестно в кого. Но мне запомнились горькие слова П. Б.: “Они (старые бюрократы) не хотели реформ, боялись нас и получили теперь Ахерон”»³.

Недолго Струве вошел в новую власть. Лидер кадетов П.Н. Милюков, став министром иностранных дел, обратился к П. Б. с предложением занять пост директора экономического департамента министерства. Струве говорил Франку, что «именно потому, что он политически разошелся с Милюковым и что их личные отношения были лишь холодно-корректными, он счел для себя морально-невозможным отказаться помочь Милюкову в это трудное и ответственное время. Он принял предложение, взял себе в помощники ряд молодых экономистов из своих учеников и со свойственной ему энергией принялся заново организовывать работу департамента»⁴. Дипломат Г.Н. Михайловский, автор подробнейших и интереснейших воспоминаний, так писал о своем новом коллеге: «Струве как-то сразу расположил к себе всех, хотя его откровенность и весь его облик мало гармонировали со все еще строго выдержанным дипломатическим ведомством. Две черты Струве производили сильное впечатление — его искренность, действовавшая подкупающе, и доверие к окружавшим его людям, доходившее до попустительства <...>. Струве, едва ступив на министерскую почву, не стеснялся в крайне резкой форме выражать свои взгляды, удивлявшие всех своей “правизной”. Он открыто говорил о “еврейских зачинщиках” Февральской революции, о необходимости “ликвидировать бунтарство”, как называл он революцию, и т.п. В устах директора департамента, поставленного революцией, такие слова звучали диссонансом при всеобщем повороте влево». По мнению Михайловского, «подкупающе действовало и то, что Струве, очутившись довольно неожиданно для себя и других на административном посту такого крупного политического значения, как Экономический департамент нашего министерства, в тот момент, когда война была в полном разгаре, откровенно говорил как-то за завтраком в министерстве в присутствии своих подчиненных молодых людей, как он, профессор с научным

¹ Б-ий. Защита диссертации проф. П.Б. Струве // Киевлянин. 1917. 18 февраля. № 49. С. 2.

² Пайнс Р. Указ. соч. С. 208–211.

³ Шульгин В.В. Дни. Белград, 1925. С. 142–143.

⁴ НИА. P.V. Struve papers. Box 2. Folder 11. Струве Г.П. П.Б. Струве в 1918–1919 гг. Л. 3.

⁵ Даватц В. Правда о Струве. Опыт одной биографии. Белград, 1934. С. 12.

⁶ Струве П. Дневник политика. 143. Исторический выкидыш // Возрождение. 1927. 12 марта. № 648. С. 1.

¹ Раскольников Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 9.

² Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 111–112.

³ Там же. С. 112.

⁴ Там же. С. 112–113.

именем, чувствует себя часто совершенно растерянным в тех делах практического свойства, которые он изучал теоретически всю свою жизнь, и как ему приходится менять принятые им решения под влиянием какого-нибудь начальника отделения — молодого человека в 25–26 лет. Это он говорил с добродушным смехом и вызывал, конечно, всеобщую улыбку и симпатию неподдельной искренностью». Но был у П. Б. и значительный недостаток — «доверчивое, подчас непростительно снисходительное отношение к своим “любимчикам”», что создало ему репутацию «неумения подбирать людей»¹. Впрочем, работа П. Б. в министерстве продолжалась недолго — вследствие «апрельского кризиса» Милюков ушел в отставку, и Струве последовал за ним. Как отмечал Михайловский, «может быть, “бюрократическая выучка” пришлось ему не по вкусу, может быть, в административной эквилибристике он не находил выхода для своих идеологических построений или ему было мало простора в качестве директора департамента <...>, — во всяком случае, Струве со свойственной ему прямоотой и искренностью в эти дни, предшествовавшие уходу Милюкова, громко и в присутствии чиновников, даже младших, говорил о том, что мы идем на всех парах к “сепаратному миру с Германией”»¹.

Несмотря на отставку, П. Б. не ушел полностью из властных структур. В тот же день, когда Милюков и его команда покинули свои посты, 5 (18) мая 1917 г., Временным правительством при Министерстве торговли и промышленности был учрежден Таможенно-тарифный комитет «для рассмотрения вопросов, касающихся изменения, дополнения и разъяснения таможенно-тарифных постановлений, а также для обсуждения размеров возвращаемых пошлин при вывозе изделий за границу». Председателем комитета стал Струве^{III}. Впрочем, какой-то особой активности за новым учреждением замечено не было.

В апреле 1917 г. Струве уже был полон тревоги. «После первых дней оптимизма он сразу же остро ощутил смертельную опасность революции и ринулся в борьбу против нее, — вспоминал Франк. — Он сразу же стал открыто говорить, что слухи об изменническом поведении прежних придворных и бюрократических кругов были лишены оснований клеветой и что, напротив, действительными носителями измены являются революционеры. Его глубоко возмущали ненужные после крушения монархии аресты прежних бюрократов и произвол и тенденциозность при допросах их в учрежденной тогда “Следственной комиссии” <...>. С горечью указывал он, как неожиданно воочию оправдалась его давнишняя мысль, что подлинная опасность грозит России не справа, а слева (мысль, которой он отвечал на известную, — заимствованную из времен французской революции — формулу Милюкова: “У нас нет врагов слева”). При этом, как всегда, П. Б. находил ненужным и даже морально недостойным считаться с трудностью политического положения, с состоянием общественного мнения, а, напротив, считал долгом бросать ему вызов своими обличениями. В этом сказывалась вся его натура и лежал источник трагизма его судьбы: он всю жизнь рвался к практической политической деятельности, но она ему никогда не удавалась, потому что его моральная природа была совершенно лишена тех

элементов цинизма, приспособляемости, гибкости, без которых не может обойтись политический мыслитель. Как политический *мыслитель*, он был принципиальным противником крайности, и по моральным и социально-философским соображениям был всегда сторонником и провозвестником “реальной политики”, необходимости считаться с реальными нуждами и слабостями человеческой природы. Но как *деятель*, он был не “реальным политиком”, а существом строго-принципиальным, существом, проникнутым моральным пафосом, проповедником, беспощадным обличителем, на манер ветхозаветных пророков, и потому был обречен на непопулярность, был всегда “побиваем камнями”»¹. Как покажут события 1920 г., Струве все же окажется способным на гибкость и компромиссы хотя бы в некоторых вопросах, но в целом характеристика, данная Франком, нам представляется верной.

Когда 27 апреля (10 мая) 1917 г. В.В. Шульгин выступил на объединенном заседании Государственных дум всех четырех созывов с речью, в которой выразил свои опасения по поводу текущей обстановки и раскритиковал агитацию левых партий, Струве с восторгом приветствовал его. По воспоминаниям меньшевика-интернационалиста Н.Н. Суханова, «особенно неистовствовал “пионер российского марксизма”, бывший социал-демократ, потом радикал, потом националист, потом не знаю кто, но во всяком случае интереснейший тип и писатель — Петр Струве. Вскочив на ноги, с лицом полным патриотического восторга, обернувшись к Шульгину, уже сошедшему с кафедры, он не хлопал, а как-то особенно шлепал руками, выкрикивая неслышные приветственные слова. Едва наступившая тишина была прервана новым взрывом рукоплесканий; это придало Струве новой энергии, и он зашлепал еще сильнее; но, обернувшись к Шульгину, он не видел, что его аплодисменты были посильным участием в овации по адресу Церетели, который уже стоял на кафедре с готовым ответом Шульгину»^{II}.

Тогда же, в апреле, начинается издание приложения к «Русской мысли» — еженедельника «Русская свобода». Издателями его числились Н.Н. Львов, В.А. Маклаков и П.Б. Струве, который также был его «фактическим и юридическим редактором». «В этом еженедельнике был поставлен вопрос о необходимости разрушительным процессам в народном сознании и во всей народной жизни противопоставить не только политическую борьбу, но и культурное творчество», — вспоминал Струве в эмиграции^{III}. В № 3 еженедельника его главный редактор публикует статью, в которой призывает «всех сознательно любящих русскую национальную культуру людей в этот грозный и ответственный час объединиться для творческой работы в могущественную Лигу русской культуры»^{IV}. По словам Франка, «П. Б. задумал создать — в противовес разлагающему влиянию антипатриотических и интернационалистических идей — некий идейный центр для духовно обоснованного патриотизма. Замысел этот он выразил в развитой им программе “Лиги русской культуры” — организации, которая должна была объединить все общественные слои, дорожащие традициями русской духовной

^I Франк С.Л. Указ. соч. С. 113–114.

^{II} Суханов Н. Записки о революции. Кн. 3. Создание единого фронта крупной и мелкой буржуазии. 3 апреля — 5 мая 1917 г. Берлин — Петербург — Москва, 1922. С. 348–349.

^{III} Струве П. Лига русской культуры. Историческая справка // Россия и славянство. 1934. Июнь. № 233. С. 4.

^{IV} Струве П. Лига русской культуры // Русская свобода. № 3. С. 4.

^I Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920. Кн. 1. Август 1914 — октябрь 1917. М., 1993. С. 258–259.

^{II} Там же. С. 356.

^{III} РГАЛИ. Ф. 1348. Оп. 1. Д. 878. Л. 3.

культуры, и тем стать оплотом некоего национального возрождения»¹. Струве шутил, что Лига русской культуры «есть в иностранных словах выраженное понятие Союза Русского Народа»^{II}.

В состав новорожденной организации Струве вошли участники сборника «Вехи» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, С.Л. Франк), известные политики правого и умеренного толка (М.В. Родзянко, В.В. Шульгин, Н.В. Савич, В.А. Маклаков, Н.Н. Львов, Е.П. Ковалевский), ученые (А.В. Карташев, С.Ф. Платонов, С.Ф. Ольденбург), религиозные деятели (архиепископ Андрей (Ухтомский), протоиерей Ф.Д. Филоненко) и др.^{III} Фактически с этого времени можно говорить и о заключении неофициального союза между Струве и киевскими прогрессивными националистами Шульгина: В. В. написал несколько статей для «Русской свободы»^{IV} и, в свою очередь, перепечатал в своем «Киевлянине» ряд ключевых статей П. Б.^V

Подготовительное собрание по организации ЛРК состоялось 29 мая (11 июня), а официально учреждена она была 7 (20) июня. Тогда же был избран Временный комитет, в который вошли М.В. Родзянко, А.В. Карташев, В.В. Шульгин, Н.В. Савич и П.Б. Струве. Ю.А. Жердева, автор наиболее подробной статьи, посвященной ЛРК, полагает, что «несомненным можно считать принадлежность Лиги к консервативно-либеральному направлению русской общественной мысли. Этот тип либерализма был ориентирован, прежде всего, на государственные, национальные и культурные ценности. Доминирующими в его мирозерцании были начала свободы и культуры, в соединении которых с православием и государственностью и могла только существовать Россия»^{VI}.

Струве полагал, что перед организацией стоят и культурные задачи, и политические (которые, впрочем, открыто не декларировались): «...Я очень хорошо понимал, что мы переживаем революционную эпоху, в которой так же, как и всесторонняя культурная работа, необходима решительная политическая борьба. Эти две стороны единого национального дела для меня, по существу, были неразрывно связаны. В сущности, мне предносилась уже тогда задача целостного национального объединения, верного творческим силам прошлого и потому любовно, дерзновенно и свободно творящего национальное будущее. В таком понимании культурной задачи стирались политические грани, как грани партийные, и стирались они пред лицом разрушительной дьявольской стихии, угрожавшей залить Россию, убить дух русского народа и стереть его национальное лицо. Но формально “Лига русской культуры” <...> обозначала себя “объединением неполитическим и неклассовым”^{VII}. Ему вторил исто-

рик И.М. Гревс: «Дело лиги — не специально политическое, и оно не связано только с настоящим моментом (трагизм переживаемого кризиса только выявил его неотложность); дело это — общенародное и вечное. Оно выше групп и частей, на какие может распасться население России. Учредители лиги зовут представителей всех воззрений, слоев, наций, религий, которые чувствуют себя русскими по культуре. К ней не могут примкнуть лишь те партии и люди, какие не приемлют существования особой, непререкаемой, драгоценной русской культуры или отрицают обязанность ее хранить и развивать...»^I И действительно, в ЛРК принимали и нерусских, если они признавали § 1 устава^{II} (именно поэтому в списках членов Лиги можно увидеть и евреев, и еще большее количество лиц немецкого происхождения).

Исходя из этой своей «внепартийности», Лига, к примеру, отказала публицисту В.Е. Чехихину, желавшему прочесть на ее собрании доклад «О всероссийской русской национал-либеральной партии», на том основании, что он носит «чисто политический характер»^{III}. Правда, у ЛРК все равно была репутация «правой» организации, о чем, к примеру, размышлял поэт А.А. Блок. Он принял предложение вступить в ЛРК, так как это «объединение не классовое, не политическое, над политическими формами и течениями», занимается просветительной деятельностью и имеет среди учредителей Струве и Ольденбурга, но все же испытывал некоторые сомнения из-за присутствия в ней «правых» и отсутствия М. Горького^{IV}. Несмотря на этот правый уклон Лиги, беспокоивший Блока, в ее московский отдел вступили многие представители «довольно нейтральной, “художественной” среды» (в частности, известные театральные режиссеры В.И. Немирович-Данченко и К.С. Станиславский)^V. Кроме того, были созданы (или планировались) отделы в Харькове и Нижнем Новгороде, рассматривалась возможность проведения мероприятий по украинскому вопросу в Киеве^{VI}.

По свидетельству С.Л. Франка, замысел по созданию ЛРК «имел по тому времени относительно изрядный успех; в приемной П. Б. толпились десятки людей, желавших записаться в Лигу, и получалось много письменных заявлений»^{VII}. Особый отклик идея получила среди фронтового офицерства — так, например, в состав Лиги вступили члены Никольского братства при церкви 495-го полевого госпиталя, был утвержден отдел при 10-й армии^{VIII}. «Не могу не отметить, что наибольшее сочувствие Лига рус-

^I Гревс И. Лига русской культуры // Речь. 1917. 20 августа (2 сентября). № 195 (3937). С. 6.

^{II} РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об. — 6.

^{III} Там же. Л. 5.

^{IV} Дневник Ал. Блока. 1917–1921 / Под ред. П.Н. Медведева. Л., 1928. С. 59–61. Струве в ответ на это написал А.А. Блоку: «Меня обрадовало Ваше согласие вступить в члены “Лиги”. Что касается Горького, то церковь, если бы он ее признавал, должна была бы призвать его к покаянию, как она это делала в былое время с великими мира сего. Наше же скромное сообщество людей, для которых культура и нация неразрывны, может либо про себя, либо публично оплакать то ужасное явление духовного разложения, каким представляется Горький-публицист. Сделать что-нибудь иное мы лишены нравственного права» (Там же. С. 257–258). Также см.: Дьякова Е.А. «Стыдно любить свое»: А.А. Блок и «Лига русской культуры» П.Б. Струве // Начало. Сборник работ молодых ученых. [Вып. 1]. М., 1990. С. 188–204.

^V Колеров М.А. «Лига русской культуры» в Москве (1917) // De Visu. 1993. № 9 (10). С. 55–57.

^{VI} РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об., 3 об., 11.

^{VII} Франк С.Л. Указ. соч. С. 116.

^{VIII} РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.

^I Франк С.Л. Указ. соч. С. 115–116.

^{II} Там же. С. 116.

^{III} Учредители Лиги русской культуры // Русская свобода. 1917. № 9. С. 23.

^{IV} Шульгин В. «Пусти, я сам!» // Русская свобода. 1917. № 7. С. 10–13; Шульгин В. Этап // Русская свобода. 1917. № 10–11. С. 21–26.

^V Струве П. Лига русской культуры // Киевлянин. 1917. 3 июня. № 133. С. 1; Струве П. Иллюзия русских социалистов // Киевлянин. 1917. 16 июня. № 144. С. 1.

^{VI} Жердева Ю.А. «Рожденные» в 1917-м: Общественно-политическое движение «Лига русской культуры» // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования. Сборник научных статей. СПб., Киев, Минск, 2008. С. 534.

^{VII} Струве П. Лига русской культуры. Историческая справка // Россия и славянство. 1934. Июнь. № 233. С. 4.

ской культуры встретила при своем учреждении в некоторых частях *русской армии*, стоявшей на фронте, а именно в тех частях, которые потом дали наибольшее число первоочередных участников Корниловского движения и Белой борьбы, — вспоминал Струве в эмиграции. — Этот исторический факт надлежит запомнить и закрепить. Он сохранился в моей памяти с совершенной отчетливостью и притом на основании документальных данных: заявлений целых групп офицеров и писем отдельных офицеров»¹.

На страницах «Русской свободы» Струве призывает к созданию «организованного патриотического движения», которое действительно появится полгода спустя в лице Добровольческой армии. Кроме того, Струве печатает на страницах своего журнала речь будущего вождя южнорусского Белого движения генерала Антона Ивановича Деникина, произнесенную на закрытии офицерского съезда в Могилеве^{II}. Как вспоминал сам П. Б., речь Деникина о русском офицерстве «ударил по сердцам русских патриотов и восхитила их. Помню, как мы с Н.Н. Львовым, перепечатав эту речь в нашей «Русской свободе», рассылали ее всюду, куда только было возможно»^{III}. Забегая вперед, отметим, что общее собрание ЛРК должно было состояться 24 октября (6 ноября)^{IV}, но, видимо, оно было отменено из-за сложной политической обстановки в столице.

Большую часть лета 1917 г. Струве провел в Лесном — пригороде Петрограда, где находился Политехнический институт^V, изредка наезжая к своей семье, живущей вместе с семьей С.Л. Франка в имении около станции Усикирко в Финляндии. В это же время двое старших сыновей П. Б. — Глеб и Алексей — ушли добровольцами на войну (причем Струве возмущался, что на вокзале при проводах даже военные употребляли в речах принятую тогда формулу «на защиту революции»)^{VI}. В конце июля 1917 г. П. Б. вновь возвращается от редакторской работы, не очень заметной для окружающих, к роли активного публичного политика. «Опять появился Струве. Его рыжая борода появляется, когда государство в опасности», — записала его старая знакомая Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс 15 (28) июля 1917 г.^{VII}

В начале августа 1917 г. Струве приезжает в Москву. 3 (16) августа он выступает на II Всероссийском торгово-промышленном съезде, а 9 (22) августа делает доклад на Московском совещании общественных деятелей. В последующие дни, 12–15 (25–28) августа состоялось Государственное совещание, на котором П. Б. присутствовал и в качестве депутата Государственной думы II созыва, и как представитель интеллигенции (в составе академической группы)^{VIII}.

Уже тогда он относился скептически к новому главе Временного правительства, но при этом, правда, советовал своим друзьям: «Поддерживайте Керенского,

но не создавайте ему рекламы»¹. Е.Д. Кускова, известная деятельница леволиберального направления, рассказала следующую примечательную историю: в середине 1930-х гг. Струве гостил у нее в Праге, и вдруг пришла новость, что из Парижа прилетел Керенский и скоро появится в этом же доме. «Я знала, что у Струве за время этой его второй эмиграции развилась болезненная неприязнь к двум политическим деятелям: П.Н. Милюкову и А.Ф. Керенскому, — вспоминала Кускова. — Он говорил о них так зло и неприязненно, что я поставила ему условие: о них не говорить у нас... Что же было делать и как произойдет эта встреча?» Кускова, отведя Струве в другую комнату и предупредив его о предстоящем появлении «врага», спросила, что, может быть, он не захочет встретиться с Керенским? «Нет, отчего же... — сказал П. Б. в ответ. — Вам, как хозяйке, я неприятностей не доставлю... Но ему вы потом скажите, что когда после падения большевиков я буду министром внутренних дел, я его повешу... <...> В вашей столовой я буду с ним отменно вежлив, — в маске, одним словом...» Вскоре выяснилось, что в этот день Керенский до дома Кусковой не доберется, и Струве со смехом сказал: «Сообщаю вам, что аппетит мой от этого известия повысился: ужинать буду с большим удовольствием...» На следующий день Кускова передала слова Струве Керенскому. «Не откажите и ему передать мое решение, — смеясь, сказал Ал[ександр] Фед[орович]. — Когда я — после падения большевиков — буду министром внутренних дел, я Петра Бернгардовича не повешу из эстетических соображений: слишком яркая, красочная фигура... Очень интересная фигура!»^{II}

Провал Корниловского выступления Струве не воспринял трагически. Приехав в эти дни из Петрограда в Усикирко, он сказал Франку: «Это была Нарва русской контрреволюции, за которой вскоре последует ее Полтава». Правда, этот оптимизм был короткой вспышкой, и «им все более овладевало чувство скорби, горечи и негодования при виде растущего разложения России». Однажды той же осенью он с необычайной даже для него горячностью ответил на слова Франка, сказавшего, что бесчинства революции должны неизбежно привести к жестокой реакции: «Что там реакция! Иоанн Грозный — молния с неба — вот что было бы адекватно творящейся мерзости!» В другой раз он с грустью произнес поразившие Франка слова: «Неужели на старости лет нам снова придется стать революционерами?»^{III}

Во второй половине октября 1917 г. Струве присутствовал на совещании на квартире князя В.М. Волконского в Петрограде, где обсуждался вопрос о создании генералом М.В. Алексеевым будущей Добровольческой армии^{IV}. Тогда же, в октябре, П.Б. был избран членом Временного совета Российской республики (Предпарламента) по квоте от Совета Московских совещаний общественных деятелей, объединившего в своих рядах представителей правых и умеренных кругов^V.

¹ Струве П. Лига русской культуры. Историческая справка // Россия и славянство. 1934. Июнь. № 233. С. 4.

^{II} Речь генерала Деникина // Русская свобода. 1917. № 9. С. 29–30.

^{III} Струве П. Памяти генерала С.Л. Маркова // Возрождение. 1925. 26 июня. № 24. С. 1.

^{IV} РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

^V НИА. Р.В. Struve papers. Box 2. Folder 11. Струве Г.П. П.Б. Струве в 1918–1919 гг. Л. 3.

^{VI} Франк С.Л. Указ. соч. С. 117.

^{VII} Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 199.

^{VIII} Николаев А.Б. П.Б. Струве — член Государственного совещания // Петр Бернгардович Струве (к 125-летию со дня рождения). Сборник научных статей. СПб., 1996. С. 53–54.

¹ Франк С.Л. Указ. соч. С. 118.

^{II} Кускова Е. Страницы прошлого. I. П.Б. Струве // Новое русское слово. 1945. 21 октября. № 12229. С. 2.

^{III} Франк С.Л. Указ. соч. С. 118–119.

^{IV} Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М., 2010. С. 157–158, 203, 261.

^V ГА РФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 22. Л. 130.

20 октября (2 ноября) 1917 г. П. Б. выступил на заседании Предпарламента, посвященном внешней политике. Атмосферу происходящего в этот день в зале Мариинского дворца хорошо передает репортаж Д.В. Философова:

«...На кафедру вошел Струве. В зале, что называется, “движение”. Впрочем, “зала” не очень многолюдна. Абсентеизм увеличивается с каждым днем.

Струве говорил с обычными своими ораторскими недостатками: длинными паузами, подыскиванием слов, некоторым перескакиванием от одной темы к другой. Но я заметил, что обычные “цветы красноречия” потеряли всякое обаяние в Совете. Вовсе не надо быть оратором-профессионалом, чтобы иметь успех в Совете. Надо говорить искренно и о деле. Тогда слушают все равно, будет ли оратор левый или правый. <...>

Надо сказать, что Струве слушали даже слишком внимательно. Ни одна фраза не прошла без знаков одобрения или порицания.

В речи его было много метких и злых афоризмов. Большевиков он определил как ядовитую смесь “интернационала с русской сивухой”, и требовал, чтобы их не только заперли в банку, но и наклеили ярлык с мертвой головой и надписью: яд!

Активную внешнюю политику, которую так жаждут левые, он назвал “пассивным отношением к обороне”.

Прочитанная им черносотенная прокламация, которую мальчишки раздают на улицах в запечатанных конвертах, произвела впечатление даже на левых. До такой степени ее стиль сходен со стилем “Рабочего пути”¹.

Много дельного сказал он и как экономист о хозяйственном кризисе, о неминуемой безработице, которая наступит в России после войны.

Но был в его речи и настоящий, мужественный пафос, который окончательно взбесил левых.

Говоря о галицийском наступлении, он упомянул славное имя генерала Алексева, “присутствующего среди нас”.

Правые сделали овацию маститому воину. Это, конечно, не понравилось левым. Кто-то крикнул, вероятно, Кац-Гроссер-Камков: “А Корнилова тоже будете чествовать?”

Струве не смутился. С большой искренностью он громко ответил: “Корнилов был ранен, бежал из германского плена, и он человек честный!”

Можете себе представить, что тут произошло!

Милюков демонстративно встал и аплодировал, чему последовал весь правый сектор. Налево начался настоящий гвалт.

По адресу Струве послышались такие эпитеты, что председательствующий (Крохмаль) призвал особенно усердных протестантов к порядку и сказал, что он не допустит оскорблений оратора.

Длилось это минут пять. Постепенно все успокоилось, и в 5 ½ ч. Струве свою речь благополучно закончил.

Надо сказать, что он не щадил врагов. Притом выступал с открытым забралом. И “враги” это оценили!¹

Н.Н. Суханов отмечал, что выступление Струве политически «было так же убого и гораздо более бессодержательно, чем у Милюкова», но «как литературное произ-

ведение человека, привыкшего к интенсивной мысли в кабинете, как profession de foi¹ высококультурного и талантливое реакционера, — эта речь была замечательна». Когда Струве высказал свое мнение про Корнилова, справа «раздались дружные и громкие рукоплескания», а левые, «давно не видевшие живой буржуазии», «даже несколько опешили от неожиданности». После демонстративного выкрика Милюкова в поддержку оратора «встала целая толпа правых; напротив же выстроились левые; и с минуту-две силы стояли друг против друга, как петухи, готовые броситься в бой...»¹. До перехода словесного противостояния в противостояние вооруженное оставались считанные дни...

В это же время шла подготовка к выборам во Всероссийское Учредительное собрание, и Шульгин, еще в июле уехавший из Петрограда к себе домой, в Киев, пригласил Струве баллотироваться в депутаты именно от Киевского округа, войдя в список Внепартийного блока русских избирателей (ВБРИ), созданного на базе «Киевлянина», Киевского клуба прогрессивных русских националистов во главе с А.И. Савенко и ряда более мелких организаций. П. Б. принял предложение, отправив в Киевскую избирательную комиссию записку, в которой он выражал согласие баллотироваться по списку ВБРИ^{III}. «Был составлен список кандидатов, который начинался с меня, — вспоминал Шульгин. — Вторым был Петр Бернгардович Струве. Хотя он никогда не был киевлянином, но по тогдашнему закону о выборах в Учредительное собрание, которое почиталось Всероссийским, могли избираться люди независимо от их места жительства. <...> Что же касается Струве, то бывший соратник Ленина и идеолог марксизма, ученый, разочаровавшийся и в Карле Марксе, и в Ленине, был известной фигурой во всей России»^{IV}. В агитационных материалах ВБРИ Струве аттестовался как «академик, доктор политической экономии, редактор журнала “Русская мысль” и еженедельника “Русская свобода”, бывший редактор “Освобождения”, член 2-й Государственной думы». Отмечалось, что «П.Б. Струве имеет всероссийскую известность. Даже его политические противники, несмотря на все усилия, не могли запятнать его имени, поднявшегося, в конце концов, выше партий и ставшего достоянием общерусской культуры. В лице П.Б. Струве Киевская Русь имеет стойкого защитника против украинского изуверства. Уже несколько лет тому назад П.Б. Струве предчувствовал роковую роль украинства, и именно из-за украинского вопроса в начале текущей войны он вышел из Центрального комитета Партии народной свободы. События показали, кто оказался прав в этом споре»^V.

Меньшевистская «Киевская мысль», узнав, что Струве вошел в список ВБРИ, написала, что он «неутомимый ренегат, в свое время перебросившийся от марксистов к кадетам, а ныне изменивший уже и кадетам и попавший в лоно гг. Шульгина и Савенко»^{VI}. В «Новой раде» появилась посвященная Струве статья лидера украин-

¹ исповедание веры, кредо (фр.).

^{II} Суханов Н. Записки о революции. Кн. 6. Разложение демократии. 1 сентября — 22 октября 1917 г. Берлин — Петербург — Москва, 1923. С. 298, 300.

^{III} ЦГАВО. Ф. 1156. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

^{IV} Шульгин В.В. Тени, которые проходят / сост. Р.Г. Красюков. СПб., 2012. С. 144–145.

^V Отдел старопечатных и редких изданий НБУ. Кл. 0587. Список № 8 Внепартийного блока русских избирателей Киевской губернии. Л. 1.

^{VI} Националистические списки // Киевская мысль. 1917. 13 октября. № 247. С. 2.

¹ Название, под которым временно выходила запрещенная большевистская «Правда».

^{II} Философов Д. Впечатления // Речь. 1917. 21 октября. № 248. С. 2.

против “комиссародержавия”, “большевистской монополии власти” и советская власть обвинялась в соглашении с международным империализмом (!). При советской власти махновщина была анархичной оппозицией, теперь же она является большевизмом, разложившимся на противогосударственные разбойничьи молекулы¹. Вообще тема махновщины, крайне актуальная именно в те дни, чрезвычайно интересовала Струве, к ней он обращался и прежде, в частности в своем выступлении на заседании ВНЦ 19 октября (1 ноября)^{II}. Кроме того, Струве принимал участие и в собраниях, посвященных обсуждению экономических проблем. Так, например, 29 ноября (12 декабря) 1919 г. он поучаствовал в прениях по докладу профессора А. А. Мануилова о проекте земельной реформы, состоявшихся в Обществе экономистов^{III}.

Даже в научной литературе часто можно встретить ошибочное утверждение о том, что Струве был членом Особого совещания (деникинское «правительство»)^{IV}. По словам А. А. Бормана, П. Б. «не имел никакого отношения к правительству ген. Деникина и, мне кажется, даже ни разу не был им принят»^V. В действительности все было немного иначе. Первый раз Струве хотел встретиться с Деникиным в начале октября, но не застал главнокомандующего ВСЮР в Таганроге, и поэтому написал ему письмо: «...Я не только хочу засвидетельствовать Вам свои личные чувства, но и считаю долгом сообщить Вам кое-что из своих наблюдений. Все время, что я провел вдали от Добровольческой армии, я, в сущности, считал себя на службе ей и действовал в этом духе. Теперь я вижу здесь не ту кучку героических борцов, с которой я расстался, а Великую Русскую Армию, возрождающую Государство. И каковы бы ни были трудности, Россия поднялась и в Вашем лице идет к своему Предназначению»^{VI}. 15 (28) октября 1919 г. Струве все же был принят главнокомандующим, а также имел продолжительную беседу с начальником штаба ВСЮР И. П. Романовским^{VII}. Но, похоже, эта встреча с руководителями Белого движения на Юге России стала первой и единственной^{VIII}. Деникин считал, что Струве был «теоретик — во всем», и именно потому

его не пригласили в Особое совещание^I. Впрочем, Струве все же был привлечен к деятельности одного из его подразделений в качестве эксперта: в ноябре 1919 г. он приказом главнокомандующего был назначен членом совета начальника управления земледелия и землеустройства Особого совещания^{II} (и там, по свидетельству юриста П. П. Гронского, вместе с А. В. Кривошеиным непоколебимо стоял на принципе неприкосновенности частной помещичьей собственности^{III}). Кроме того, он принял участие в первом полуофициальном заседании Финансового совещания при главнокомандующем ВСЮР^{IV}, которое, впрочем, так и не успело окончательно сформироваться из-за поражений на фронте. Одно время рассматривался вопрос о назначении П. Б. главой делегации, отправляющейся в США (по некоторым данным, с целью устранить его с Юга России как «правого», связанного с генералом П. Н. Врангелем), но Струве после некоторых колебаний отказался от этого предложения^V. По мнению Г. Н. Михайловского, Струве «пользовался большим влиянием в правительственных кругах Деникина, не занимая, правда, там никаких официальных должностей»^{VI}, но, по нашему мнению, он имел это влияние скорее как один из лидеров «правой» оппозиции, а не в качестве проводника деникинское курса.

Партийно-политические и экспертные занятия для Струве все же оставались вторичными, а основной стала журналистская работа. С первой половины октября 1919 г. Петр Бернгардович, как и было запланировано, стал главным редактором и председателем редакционного комитета «Великой России»^{VII} (хотя в выходных данных газеты официально редактором числился В. М. Левитский, а издателем — Н. Н. Львов^{VIII}). Очевидно, он претендовал на роль одного из ведущих идеологов Белого движения, но расстройство транспорта привело к тому, что ростовские газеты не так уж часто попадали в другие регионы Юга России, и, по сути, все политические дискуссии свелись к своеобразному ростовскому «междусобойчику», в котором самую активную роль играли беженцы из «Совдепии»^{IX}. На страницах «Великой России» Струве активно поддерживал режим

^I В обществе Государственного объединения // Великая Россия. 1919. 13 (26) ноября. № 345. С. 2.

^{II} Всероссийский Национальный Центр. С. 318. Струве отмечал, что «причины махновского движения заключаются отнюдь не в реакционности или недостаточном радикализме наших аграрных мероприятий, а в отсутствии твердой власти на местах, проще говоря, в отсутствии полиции; “махновщина” представляет собою разложение большевизма на бандитизм. Если бы во главе администрации стояли и “новые” люди, махновщина все равно стала бы процветать. Разложение коммунизма на разбойничьи молекулы, может быть, еще долго будет продолжаться. Для подавления махновского движения нужна реальная сила. Какими уступками в аграрном вопросе можно удовлетворить тех, кто проповедует лозунг: “Вся земля даром, никаких налогов и никаких властей”». П. Б. достаточно часто принимал участие в заседаниях правления и общих собраниях ВНЦ, большинство которых, в отличие от заседаний СГОР, проводилось в полузакрытом режиме.

^{III} Вокруг земельного проекта // Великая Россия. 1919. 1 (14) декабря. № 359. С. 2.

^{IV} Напр., см.: *Ананьев О. В.* Петр Бернгардович Струве: жизнь, борьба, творчество. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. С. 59.

^V ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 2. Д. 34. Л. 257.

^{VI} VAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 2. Письмо П. Б. Струве А. И. Деникину от 11.10.1919.

^{VII} П. Б. Струве у А. И. Деникина // Киевское эхо. 1919. 25 октября (8 ноября). № 50 (55). С. 1.

^{VIII} Впоследствии, в конце ноября 1919 г., Струве отправил еще одно письмо Деникину, в котором опровергал какое-либо свое отношение к т. н. делу «Мопита», заявляя, что узнал о существовании этого общества только из газет. «Я почитаю своим долгом по этому случаю обратить Ваше внимание на тот

огромный вред, который наносится государственному делу легкомысленными до преступности обличениями, при помощи которых одни лица сводят свои личные счеты с другими, — писал П. Б. — Я тридцать лет занимаюсь литературной деятельностью и близко наблюдал и наблюдаю газетное дело у нас и за границей. Меня всегда поражала та легкость и та безответственность, с которой у нас бросаются тягчайшие обвинения, допустимые лишь при полной обоснованности» (VAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 2. Письмо П. Б. Струве А. И. Деникину от 25.11.1919. С. 3–4).

^I VAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. *Деникин А. И.* Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской смуты». Л. 54.

^{II} Назначение академика П. Б. Струве // Свободная речь. 1919. 14 (27) ноября. № 247. С. 2.

^{III} *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 2. Октябрь 1917 — ноябрь 1920 г. М., 1993. С. 348.

^{IV} Финансовое совещание // Великая Россия. 1919. 12 (25) декабря. № 367. С. 2.

^V *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 241–242.

^{VI} Там же. С. 551.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л. 76.

^{VIII} По словам сотрудника газеты Н. Н. Чебышева, «Великой Россией» сначала руководили Львов и Левитский, затем к ним присоединился Струве, причем «последний был главным редактором» (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 59. Л. 5).

^{IX} Впрочем, на Северном Кавказе газета Струве имела кое-какое распространение. «Интересно было узнать про возвращение П. Б. Струве и прочесть его две первые статьи в шульгинско-львовской газете

военной диктатуры, призывал к всемерному содействию армии, выступал за наведение порядка в тылу самыми решительными мерами: «Скажем прямо: если нам нужно выбирать между безвластием, хотя бы самым благонамеренным и самым благожелательным, и некоторыми эксцессами твердой власти, мы, не обинуясь, выберем второе»¹.

По мнению Струве, большевизм первоначально побеждал в силу «глубокой бессознательности и инертности в национальном отношении русских народных масс» и благодаря посулам мира и грабежа. Но со временем массы разочаровались в нем, и поэтому большевизм «превратился в военную диктатуру над русскими крестьянами и рабочими коммунистов-интернационалистов, опирающихся прежде всего и главным образом на вооруженные инородческие отряды». Таким образом, решающей силой является активное и организованное меньшинство, которое подчиняет себе большинство. В силу того, что широкие народные массы не имеют в себе ни сознательности, ни государственного смысла, ни моральной дисциплины, противостоять большевикам может лишь другое организованное меньшинство – патриотическое. Для того чтобы выдержать борьбу, нужно быть свободным от всяческих иллюзий, даже самых «демократических»², нужно противопоставить железной дисциплине коммунистов железную дисциплину патриотов. Струве объяснял «общественности», что гражданская война не предполагает никакой организации кроме военной. Более того, «“общественность” как какой-то самостоятельный фактор жизни должна теперь сама ступешаться, точно так же, как печать должна сейчас, совершенно *независимо* от какой-либо цензуры, упражнять величайшее *самоограничение*, памятуя огромную ответственность, лежащую на печатном слове»³. Вся политика «должна быть сведена к обслуживанию армии в ее военной задаче», всякая коллегиальность уменьшена до минимума, и речь может идти только о повинности «общественных» элементов, а не об их правах⁴. Печать же существует не для того, чтобы занимать и осведомлять публику: «Она должна распространять в обществе правильные мысли и будить здоровые настроения. А сейчас первая и самая главная мысль – в том и о том, чтобы Власть была Силой, самое здоровое настроение общества – в поддержке, не за страх, а за совесть, сильной и твердой Власти»⁵.

Одну из основных проблем Струве видел в распространенных в тылу «малодушии и маловерии», в «беспредметной и безмерной критике»: «Критика того, что делается и существует, плодотворна только тогда, когда она, указывая недостатки, действительно намечает осуществимые способы их преодоления. Вне этого она есть только “пленной мысли раздражение”. Выражается это оскудение духа еще в прикровенном или откровенном стремлении открытый бой между правдой и неправдой заменить гнилым соглашательством. Мы живем среди множества трудностей, прямо нераз-

«Великая Россия», – писал в частном письме видный в прошлом кадет князь Петр Д. Долгоруков, живший осенью 1919 г. в Сочи (ГА РФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 542. Л. 40).

¹ Струве П. Устроение тыла // Великая Россия. 1919. 5 (18) октября. № 313. С. 1.

² Струве П. Великая борьба // Великая Россия. 1919. 13 (26) декабря. № 368. С. 1.

³ Струве П. Трудный момент // Великая Россия. 1919. 6 (19) декабря. № 363. С. 1.

⁴ Струве П. Что же нам нужно? // Великая Россия. 1919. 5 (18) декабря. № 362. С. 1.

⁵ Струве П. Власть должна верить в себя // Великая Россия. 1919. 29 октября (11 ноября). № 332. С. 1. Либеральная газета «Утро Юга» иронизировала, что «П. Струве, говоря о силе власти, писал это слово даже с прописной буквы» (Власть и общественность // Утро Юга. 1919. 10 декабря. № 275–303. С. 1).

решимых, и тягот, воистину неудобоносимых. И все-таки мы должны, вопреки этим трудностям и тяготам, осуществить самое главное, единственно важное в настоящий момент, а именно разбить и уничтожить противостоящего нам врага. Это чисто военная задача, и, как таковая, она разрешима именно силами и средствами *духа*. Как и в мировой войне, в войне гражданской победит тот, у кого окажется *сильнее дух и крепче нервы*». Струве полагал, что патриотическое активное меньшинство может сделать все, если только захочет, но для этого нужно решительно порвать со всяким маловерием и малодушием, нерушимо верить в свой патриотический долг и в свое национальное призвание, идти напролом. Он вынужден был признать мужество «злых сил, во имя зла пошедших напролом»; перед этим натиском добрые силы смалодушествовали и отступили. Особенно это проявилось в эпоху Временного правительства, когда малодушие и маловерие расцвели под личиной мягкости и жалости. Это было, по мнению П. Б., ошибкой, ведь «политические бесы не изгоняются либеральными обещаниями», а «основы государственного бытия не ставятся на голосование», «во имя их действуют, умирают и – побеждают»¹.

Основная задача – движение на Москву – должна была быть, по мнению Струве, «военной по существу, государственной по содержанию, национальной по духу». При этом нужны не «программа» или «курс», а «*трезвая деловая мысль* и честные усилия»². Впрочем, полностью отрицая необходимость какой-то *партийной программы*, он не только не отрицал необходимость *политической идеологии*, но и стал одним из ведущих пропагандистов русского национализма.

Еще за полтора года до этого, в начале 1918 г., в последнем номере «Русской мысли» Струве писал: «Совершенно ясно, что либо в России родится, зажжет своим пламенем все мыслящее и образованное, а затем заразит народные массы сильный, страстный и упорный *национализм*, либо Россия погибнет»³. В 1919 г. он попытался более подробно изложить эту мысль, и недаром одной из самых заметных статей «ростовского» периода стала статья «Национализм» (ее отголоски мы можем видеть и в «Размышлениях о русской революции»). «Суть и клеймо русской революции состоит в ее антинациональном характере, в том, что по своим устремлениям она разрушала Россию, в том, что она была государственным самоубийством великого государственного народа, – писал Струве. – Являясь отступничеством от всего того, что было в русской истории подлинно сильного и творческого, революция привела к разрушению всех государственных скреп и к распаду государства». Эта природа революции, по его мнению, указывает и на путь спасения, каковым может быть только национально-государственное начало, открытое исповедание национальной веры. Струве отмечал вину интеллигенции, которая со второй половины XIX в. подавляла в себе национальный инстинкт и гасила национальную идею. Продолав это над собой, интеллигенция «антинациональным ядом отравила народ, и в развитии по всему народному организму этой отравы и состояла

¹ Струве П. Против малOVERов и малодушных тыла // Великая Россия. 1919. 31 октября (13 ноября). № 334. С. 1.

² Струве П. Политическое прожекторство // Великая Россия. 1919. 21 ноября (4 декабря). № 352. С. 1.

³ Струве П. Рецензия на книгу: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под редакцией Влад. Княжнина. Издание Пушкинского Дома при Академии наук. Стр. XXIX+412. Петроград, 1917 г. Ц. 6 р. // Русская мысль. 1918. Март – июнь. Критическое обозрение. С. 1–2.

русская революция». Поэтому для ликвидации последствий революции нужна именно всесторонняя — «духовно-религиозная, светско-культурная, экономическая и политическая» — организация национальных сил: «Мы полагаем, что сейчас в России нужна только одна большая партия, партия национальная, или, попросту, *русская*». В итоге национализм, покорив интеллигенцию и проникнув в народные массы, «будет тем духовным мечом, который, вслед за доблестной армией, вновь отвоюет для русского народа достояние его предков, безрассудно растратенное в антинациональном угаре»¹.

На кого же должна опираться «белая» власть, воодушевленная национализмом? Ядром новой русской армии уже стало офицерство, на местах же власть должна опереться на «класс крепких, привязанных к собственности крестьян», и именно из этих «элементов населения, кровно заинтересованных в восстановлении и поддержании порядка», должна рекрутироваться полиция². Когда его обвинили в том, что он попытается превратить полицию на местах в «классовый институт» для охраны помещичьих интересов и тем самым «заменить трехцветное знамя Добровольческой армии белым знаменем старого сословного строя»³, Струве ответил, что государство должны защищать те элементы, которые «кровно привязаны к порядку и собственности», а противопоставление трехцветного знамени белому вообще нелепо: «Русских патриотов, доблестных офицеров-солдат, которые шли и идут на жертвенный подвиг во имя Великой России, называли и называют “белыми”. Но эти “белые” борются и умирают именно за “трехцветное” знамя. И я думаю, им никогда и не приходило в голову, чтобы это “трехцветное” знамя было социалистическим и республиканским...»⁴

Таким образом, через все статьи Струве «ростовского» периода проходят красной нитью две основные идеи: военная диктатура и национализм. Военная диктатура как форма организации патриотического меньшинства в противовес диктатуре другого меньшинства — большевистской партии, и национализм как идеология патриотического меньшинства — в противовес интернационализму большевиков.

Весьма показательно и его отношение к религиозным вопросам. За много лет до Гражданской войны, в 1907 г., в иллюстрированном журнале «Киевская искра» была опубликована карикатура «Политическая карьера П.Б. Струве»⁵. На ней изображен Петр Бернгардович, спускающийся по лестнице и размышляющий: «Однако на какой же ступени я остановлюсь». Он уже миновал бюст К. Маркса и вход в редакцию журнала «Освобождение», прошел по ступенькам с названиями политических партий — «С. Д.», «Н. С.», «К. Д.», «С. 17-го Ок.», готовится вступить на коврик с надписью «Московские ведомости», а за углом его поджидают черносотенцы — В.М. Пуришкевич, В.А. Грингмут, П.А. Крушеван и иеромонах Илиодор (Труфанов). Несмотря на всю шуточность сюжета, можно сказать, что автор карикатуры оказался провидцем: Струве к «черносотенцам» действительно заглянул, и произошло это в Ростове-на-Дону 17 (30) ноября 1919 г. Именно в этот день состоялось публичное открытие нового религиозно-философского общества. Как писала леволибераль-

ная газета «Донская речь», «ростовская интеллигенция к факту открытия нового общества отнеслась с полным равнодушием», а интерес к мероприятию проявили «представители духовного мира». На собрании выступили митрополит Антоний (Храповицкий), Арсений (Смоленец), профессор Н.М. Малахов, «громивший европейскую культуру, интеллигенцию, доказывавший, что в основе того, что происходит, лежит столкновение добра и зла, Христа и Антихриста». В зале присутствовали архиепископ Евлогий (Георгиевский), лидер Всероссийской народно-государственной партии В.М. Пуришкевич, бывший издатель клерикально-монархической газеты «Колокол» В.М. Скворцов и значительное количество представителей Союза русских национальных общин¹.

Струве, также присутствовавший на открытии общества, написал об этом мероприятии хвалебную заметку для «Великой России». Описывая открытие общества, он отмечал, что заседанию предшествовал молебен, чем «подчеркивался чисто церковный и строго православный характер нового общества, отличающий его от прежних начинаний того же наименования в Петрограде, Киеве и даже Москве». По мнению П. Б., доклад митрополита Антония на тему «Был ли Христос революционером?» «произвел сильное впечатление на обширную аудиторию тем более, что в нем содержались прямые намеки на современность», а речь Малахова была «горячей». Струве заключал, что «нельзя не приветствовать нового начинания». Правда, по его мнению, самый характер этого начинания, «отвечающий глубокому повороту в умах интеллигенции, делает новое общество не столько религиозно-философским собранием, сколько скорее зародышем обширного православно-церковного братства, действительного и в известном смысле даже воинствующего». Именно поэтому «новое общество гораздо ближе к одному задуманному в Петрограде и Москве прошлым летом начинанию, чем к прежним религиозно-философским обществам. Я имею в виду задуманное Д.В. Болдыревым, А.В. Карташевым и другими “Братство Св. Софии”». Осуществлена ли и где эта православная организация своеобразного типа, я не знаю, но когда я присутствовал на заседании нового ростовского общества, в моей душе воскресли воспоминания о вечерах, посвященных в Москве в 1918 г. задачам и организации Братства Св. Софии»².

Струве — теперь воспринимавшийся «общественностью» уже не как марксист и либерал, а как русский националист, консерватор и «реакционер» — подвергся жесткой критике со стороны его бывших соратников по «прогрессивному» лагерю. Юрист М.А. Циммерман, в годы Гражданской войны служивший в белой армии, отмечал, что в тылу «преобладание реакционных настроений было настолько разительным, что оно быстро захватывало и людей, имевших раньше репутацию либеральных, таких, как П.Б. Струве и П.И. Новгородцев»³. Один из лидеров народных социалистов В.А. Мякотин иронизировал по поводу того, что П. Б. неустанно переживал и переживает «внутренние» изменения: «Когда-то г. Струве был праввернейшим из правверных марксистов, писал, что интеллигенция представляет собой “quantité négligeable”⁴, и исповедовал материалистическое мирозерцание,

¹ Струве П. Национализм // Великая Россия. 1919. 1 (14) ноября. № 335. С. 1.

² Струве П. Управление на местах // Великая Россия. 1919. 10 (23) ноября. № 343. С. 1.

³ Мякотин В. Трехцветное или белое знамя? // Парус. 1919. 14 (27) декабря. № 41. С. 1.

⁴ Струве П. Необходимая отповедь // Великая Россия. 1919. 15 (28) декабря. № 370. С. 1.

⁵ Политическая карьера П.Б. Струве // Киевская искра. 1907. № 18. С. 140.

¹ Религиозно-философское общество // Донская речь. 1919. 21 ноября (4 декабря). № 10. С. 4.

² П. С. [Струве П.Б.] Новое религиозно-философское общество // Великая Россия. 1919. 26 ноября (9 декабря). № 354. С. 2.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 722. Л. 42.

⁴ незначительная величина (фр.).

затем он стал проповедником идеализма. Был г. Струве редактором штутгартского «Освобождения», был затем чистым либералом, предупреждавшим в 1905–1906 гг., что «безумие слева» и «безумие справа», а теперь он стал консерватором, не видит никакого «безумия» в правом лагере и пишет <...> весьма правые статьи в «Великой России»¹. В поэтической форме эти же мысли выразил поэт С.Я. Маршак, работавший в ростовской левой газете «Парус» и посвятивший Струве ироническое стихотворение «Политический Дон-Жуан»:

Да помилует кротость Господня
Академика Струве Петра.
Он обычно не помнит сегодня,
Что писал и творил он вчера.

С каждой партией, с каждой программой
Он имел мимолетный роман...
Так любую мадридскую дамой
Увлекался на миг Дон-Жуан.

Дон-Жуан беззаветно и щедро
Расточал свои ласки, любя.
Точно так же и Струве Дон-Педро,
Увлекаясь, не помнил себя.

Он марксистским служил идеалам,
Но потом им служить перестал.
Он неистовым был радикалом,
Издавая подпольный журнал.

Он недавно бурлил, как Везувий.
Охладел он с течением лет.
И тогда уважаемый Струве
Стал известен как правый кадет.

Беспокойной и вольной стихии
Кто укажет предел и закон?
Он дошел до «Великой России»
И сейчас в диктатуру влюблен.

Я уверен в одном: диктатура –
Не последний у Струве роман...
Инезилья, Инесса, Лаура,
Всех вас пылко любил Дон-Жуан².

¹ Мякотин В. Нашим наставникам // Парус. 1919. 12 (25) декабря. № 39. С. 1.

² Д-р Фрикен [Маршак С.Я.] Политический Дон-Жуан // Парус. 1919. 22 декабря (1920. 4 января). № 47. С. 1. Также см.: Маршак С.Я. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. М., 1970. С. 492.

Именно на таком фоне Струве и выступает со своими лекциями, вышедшими позже под общим названием «Размышления о русской революции». Конечно, идеи, высказанные в лекциях, не родились одновременно. Часть их мы видим уже в сборнике «Из глубины». Некоторые из основных положений лекций были сформулированы в интервью газете «Приазовский край» сразу же по прибытии в Ростов¹, другие были высказаны впервые на страницах «Великой России» в октябре 1919 г. (например, часто повторяемая формула «новая жизнь и старая мощь»)². «Размышления о русской революции» прямо перекликаются с газетными публикациями Струве – так, например, в лекциях он проводит аналогии между современными событиями и Смутой XVII века, отмечая, что тогда Россию спасало «национальное движение средних классов, руководимое идеальными мотивами охраны веры и церкви и спасения государства»³, и за организацию такого движения он и ратует в «Великой России».

Первая публичная лекция Струве на тему «После мировой войны» состоялась 3 (16) ноября 1919 г. в кинотеатре «Солей» («Soleil»), отличавшемся дорогим интерьером и большой вместимостью (1200 мест)⁴. Зал не был заполнен до отказа – на лекцию пришло около 500 человек, которые, впрочем, по свидетельству очевидца, проводили лектора шумными аплодисментами⁵. «Лекция эта представляла безусловный интерес хотя бы по одному тому, что явилась едва ли не первой попыткой суммировать уже давно наметившиеся в здоровой части истерзанной русской интеллигенции поворотные вехи к национальной идее, а через нее к государственности, т.к. в прежней России, «крепкой своей государственностью», мы за ненужностью проспали национальное чувство», – писал обозреватель кадетской «Свободной речи»⁶. Сотрудник левой газеты «Парус» оценил лекцию более критично: «Ряд интересных и верных мыслей и такой же ряд неверных утверждений и парадоксов, – таково общее впечатление от лекции П.Б. Струве...»⁷

10 (23) ноября 1919 г. в том же месте прошла вторая публичная лекция на тему «Происхождение и исторический смысл русской революции. Философия второй великой русской смуты»⁸, на которой присутствовало около 400–500 человек⁹. Она, по словам кадетского журналиста, «явилась своеобразной попыткой суммировать отдельные крупинки «философии второй великой русской смуты», уже давно, едва ли не с первых дней существования Добровольческой армии, разбросанных там и сям,

¹ А. Р. П.Б. Струве о положении в Европе и в России // Приазовский край. 1919. 25 сентября (8 октября). № 217. С. 3.

² Струве П. Современное положение и задачи экономической политики // Великая Россия. 1919. 10 (23) октября. № 317. С. 1.

³ Струве П. Размышления о русской революции. С. 24.

⁴ Стариков Н.В. Электробиографы Ростова начала XX века: техника и люди // Инженерный вестник Дона. Электронный научный журнал. 2014. № 1 [электронный ресурс]. <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2014/2268> (дата обращения: 20.09.2020).

⁵ Sol. После мировой войны // Великая Россия. 1919. 5 (18) ноября. № 338. С. 2.

⁶ Кр-вец. После мировой войны (На лекции академика П.Б. Струве) // Свободная речь. 1919. 5 (18) ноября. № 239. С. 1.

⁷ Л.Н. На лекции П.Б. Струве // Парус. 1919. 5 (18) ноября. № 10. С. 2.

⁸ Лекция П.Б. Струве // Парус. 1919. 10 (23) ноября. № 15. С. 2.

⁹ Sol. Происхождение и исторический смысл русской революции // Великая Россия. 1919. 13 (26) ноября. № 345. С. 1.

и на страницах печати, и разговорах на железной дороге, и, наконец, в самом факте сопротивления красным, все более и более успешном». Журналист отметил, что Струве во время лекции воскликнул: «Русская революция есть загадка», но «слушатели, пришедшие разгадать эту загадку с помощью европейского имени П. Б. Струве, загадки этой не только не разгадали, но и, наоборот, еще более от познания этой, по существу, не сложной, тайны отделились»¹.

Позже, в эмиграции, первая лекция войдет в брошюру «Размышления о русской революции» под своим оригинальным названием и практически без изменений, вторая — под названием «Новая жизнь и старая мощь (Исторический смысл русской революции)».

Так в публицистических спорах, выступлениях и собраниях прошли два с половиной месяца, и вдруг оказалось, что большевики подходят к Ростову. Почти все сотрудники «Великой России» к 20-му числам декабря 1919 г. уже эвакуировались из города, но Струве и его коллега В. М. Левитский остались до самого конца. «Наконец, настал последний день — 26 декабря, — вспоминал Левитский. — Бой шел невдалеке. Часов в пять вместе с П. Б. Струве пошли на вокзал в поезд ген[ерала] Кутепова. В вагон к командующему вошел П. Б. один, вернувшись, заявил, что ничего катастрофического на фронте не случилось. Как потом оказалось, через 15 минут после нас была получена телеграмма об оставлении фронта корпусом ген[ерала] Мамонтова, самовольно переправившегося через Дон. Успокоенный, пошел в типографию, решив выпустить № на 27 декабря. Разрывы уже ясно были слышны. Часа через два, взволнованный, пришел П. Б.: «Через несколько часов большевики будут здесь, собирайтесь!» Взяв несколько пар белья в английский мешок, отправился на вокзал. Через улицу не было никакой возможности перейти. Обозы и части шли сплошной массой. Вероятно, так бы и остался здесь до утра, если бы не патруль юнкеров, которым тоже нужно было к вокзалу. Кое-как добрались. С нами был еще заведующий хозяйством и один из выпускающих. На вокзале была уже мертвая тишина. Стояли поезда начальника военных сообщений [генерала Н. М.] Тихменева и ген[ерала] Лукомского. Решили идти пешком. В темноте натолкнулись на караул. «Сюда нельзя — это вагон государственного контролера». Я назвал свою фамилию и попросил доложить. Через пять минут все мы размещались по верхним полкам. <...> П. Б. Струве приютил Тихменев. У Дона пылали склады. Со стороны Новочеркасска и Нахичевани рвалась шрапнель. Кругом все замерло. Наконец в 11 часов мы тронулись»¹¹.

27 декабря 1919 г. (9 января 1920 г.) Струве приехал в Екатеринодар, затем вскоре перебрался в Новороссийск и какое-то время жил в вагоне генерала П. Н. Врангеля¹¹¹. «Нас отбросила назад и пригнула к земле не чужая сила, которой нет, а наше собственное бессилие. Семена пагубы и разложения не вне нас, а внутри нас. И только изнутри, поэтому, может начаться оздоровление и прийти спасение. Сейчас самое великое — понять это и приняться за работу самоочищения. Отбросив гордыню и высокомерие, мы должны осознать наши собственные недостатки и встать на самую решительную

борьбу с ними», — писал Струве в возобновленной в Новороссийске «Великой России»¹. Узнав о том, что А. И. Деникин выдвигает на повестку дня прежние демократические лозунги и готов идти на компромисс с оппозиционно настроенными элементами казачества, Струве отметил, что «нельзя подавить в себе чувство патриотического недоумения и даже скорби, что главному командованию приходится заключать соглашение именно с теми элементами, которые в глазах самого же главнокомандующего в значительной мере повинны в духовном разложении казачьих частей». Не отрицая необходимости соглашения с казачеством с психологической точки зрения, Струве продолжал утверждать, что «задача дня чисто военная» и «что мысль разрешить эту задачу политическими средствами по существу несостоятельна»¹¹.

Более подробно Струве высказал свои идеи и предложения в неопубликованной записке «Смысл происшедшего на Юге России», датированной 15 (28) января 1920 г. Еще за месяц до ее написания, в середине декабря 1919 г., Струве посетил председателя Особого совещания А. С. Лукомского и убеждал того «положить руль направо и, отмечая всякое соглашательство, твердо проводить военную диктатуру»¹¹¹. По мнению Струве, высказанному в записке, произошло крушение белой военной организации, при этом русские народные массы остаются пассивными, а казачество в силу «самостийных» тенденций идет навстречу «керенщине». Так как в гражданской войне борьба идет между двумя меньшинствами — коммунистическим и патриотическим, — необходимо не заниматься «политикой», а восстановить военную организацию, в которой решающее значение должно принадлежать офицерству. Поэтому Струве предлагал до существенного изменения на фронте не выдвигать никаких новых программ и лозунгов, и лишь при дальнейших успехах провозгласить монархический принцип и разрешить земельный вопрос «на началах укрепления крестьянской собственности и возможно широчайшей легализации фактического положения вещей в земельной области», а также объявить амнистию для красноармейцев (за исключением коммунистов). Гражданское управление должно быть подчинено «исключительно задачам обслуживания военной организации», а армия перейти на систему пополнения, основанную на «сочетании принципов добровольчества, мобилизации и найма». Особое внимание Струве уделял контролю главного командования над дисциплиной и моралью офицерства и нижних чинов, а также материальному их обеспечению¹¹¹. Правда, в носителях высшей военной власти он, похоже, разочаровался. Так, согласно дневниковой записи А. В. Тырковой-Вильямс, сделанной в феврале 1920 г., Струве «все время утверждает, что произошел провал военщины, и все приписывает государственному невежеству генералов»¹¹.

Молодой экономист Б. П. Кадомцев вспоминал о своей встрече со Струве в Новороссийске в феврале 1920 г.¹¹¹: «Я нашел П. Б. у [госпо]жи Тырковой, у которой он жил.

¹ Струве П. Одиннадцатый час // Великая Россия. 1920. 11 (24) января. № 378. С. 1

¹¹ Струве П. Речь Главнокомандующего // Великая Россия. 1920. 21 (4) января. № 386. С. 1.

¹¹¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. С. 285.

¹¹¹ ВАР. P.N. Miliukov papers. Box 2. Струве П. Б. Смысл происшедшего на Юге России. С. 1–6;

¹¹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 237.

¹¹¹ Кадомцев пишет, что это было в марте 1920 г., перед самой эвакуацией Новороссийска, но он явно ошибается. Если судить по статье Струве, в которой упоминается о встрече с Кадомцевым, они виделись до 8 (21) февраля 1920 г. ([Струве П. Б.] Передовая от 8 февраля // Великая Россия. 1920. 8 февраля. № 400. С. 1).

¹ Кремлевец. Происхождение и исторический смысл русской революции (На лекции академика П. Б. Струве) // Свободная речь. 1919. 12 (25) ноября. № 245. С. 2.

¹¹ Левитский В. М. Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / предисл. В. В. Шульгина; сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Чемакин. М., 2019. С. 148–149.

¹¹¹ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 702.

Вечером, по сугробам снега, в вьюгу пробрался я до его домика. Он мне показался сильно состарившимся, сгорбившимся. Казалось, разгром Добровольческой армии придавил его к земле. Он меня опять засыпал вопросами об Англии, об отношении союзников к нам. Я сказал ему горькую правду, что на союзников надеяться нельзя, что они устали от войны и у них самих большая внутренняя разруха. П. Б. находился под влиянием какой-то тайной идеи, которую он не хотел высказать. У него была надежда спасти остатки Добровольческой армии и начать новую борьбу с большевиками. Говорил он несколько загадочно, для меня, не посвященного во все внутренние дела армии, — непонятно¹. По всей видимости, идея эта заключалась в эвакуации армии и гражданских лиц в Сербию, чтобы затем, отдохнув и набравшись сил, продолжить борьбу. Сам П. Б. вошел в состав организованного в Новороссийске «Сербского комитета»², задачей которого было урегулирование вопроса об эвакуации в Сербию. Кроме того, он попросил у Деникина крупную субсидию на продолжение издания «Великой России» в Сербии, но главнокомандующий, «считая направление ее за последнее время вредным и резко расходящимся с политикой командования», отказал³. Таким образом, хотя Струве и продолжал воспевать режим военной диктатуры и поддерживать на страницах газеты Деникина, сам «диктатор» не захотел отождествить себя с «Великой Россией» и ее курсом.

Тогда же, в январе 1920 г., возникла идея выдвижения П. Н. Врангеля на пост главнокомандующего войсками Новороссии. Считая, что дело на Кубани идет к проигрышу, а на казачество рассчитывать нельзя, В. В. Шульгин, находившийся в те дни в Одессе, полагал необходимым создание новой армии в Новороссии во главе с Врангелем, небольшой по численности, но хорошо всем снабженной и насквозь пропитанной отвращением к грабежу⁴. Струве же должен был ехать вместе с Врангелем в Одессу или Крым — по всей видимости, в качестве главного политического советника. Впрочем, план так и остался планом, и 3 (16) февраля 1920 г. Струве писал сыновьям: «Моя поездка с Врангелем в Одессу и Крым не состоялась, так как, во-первых, Одесса оказалась большевиками занята, во-вторых, в Крым Врангеля не пустили как официальное лицо, и поехал он туда как лицо частное. Мои планы остаются пока еще неопределенными, и куда я обращу свои стопы, я не знаю. С образованием нового южнорусского правительства мы, т. е. наша газета и вообще все наше направление, переходят в оппозицию, если не будем прямо подвергаться гонениям, что наиболее вероятно. <...> Вообще все кругом мрут, и мрут люди всяких званий, профессий и возрастов. Это какой-то ад кромешный, в котором тем труднее жить, что, вообще говоря, в людях оголились все звериные инстинкты»⁵.

Ясно осознавая, что Белое движение находится на грани краха, Струве пытался призывать «к упорству и выдержке во имя Родины и нации». «Если есть сейчас у патриотической печати долг, то он состоит <...> в призыве к сохранению и сплочению

сил, могущих пережить тяжелый кризис, к сохранению их в *духовно устроенном* виде. Тот кризис, через который мы сейчас проходим, не есть эпизод в истории Добровольческой армии, но он *только* эпизод, тягостный и мрачный, в истории Российского государства и русской нации»¹. Последняя статья Струве, вышедшая на русской земле, имела весьма примечательное название — «Промотанная Россия». В ней он доказывал вздорность той мысли, что большевизм осуществляет объединение и восстановление России — наоборот, он «откровенно стоит на почве расчленения России, что, впрочем, совершенно естественно вытекает из интернационалистически-инородческой природы большевизма». Струве не отказывается от борьбы, но приходит к пониманию, что первый ее эпизод проигран: «Мы должны все и в том числе самое Россию строить заново. Это не значит, что мы отказываемся от традиций нашего славного прошлого, но современная Россия промотала это прошлое, и в этом плачевном итоге следует признать с полной откровенностью. Промотав свое прошлое, Россия должна упорным трудом заработать его наново. На нас, людях присутствующих при крушении этого здания, в разной мере, но все-таки виновных в самом крушении, лежит обязанность передать грядущим поколениям сознание всей огромности этой утраты и завещать им пламя патриотической ревности». Несмотря на весь ужас происходящего, Струве пытается сохранить оптимизм: «Результаты позорной русской революции могут быть сколько угодно санкционированы международными трактатами. Живая история самого русского народа их разорвет»².

Уже в середине февраля 1920 г. стало окончательно ясно, что и Новороссийск не удержится. 25 февраля (9 марта) 1920 г. в новороссийской газете «Русское время» появилось сообщение, что Струве вместе с другими беженцами уехал на пароходе «Саратов» в Сербию (в вопросе о пункте следования газета ошиблась)³. «Часть моей семьи, мать, отчим и жена уезжают в Константинополь, — вспоминал А. А. Борман. — Я же задерживаюсь дней на семь-десять, чтобы сопровождать П. Б. Струве. Наконец мы погружаемся на пароход Добровольного флота «Саратов», который идет в Константинополь. <...> «Саратов» переполнен. Многим пришлось устроиться в трюмах. Нам дают крохотную каюту. Настроение у нас свехмрачное, тем более что пришлось в Новороссийске отправить в больницу нашего компаньона Сер[гея] Сер[геевича] Ольденбурга. Он вырвался из Ростова, когда город был на сутки занят белыми⁴, и начал под своим именем писать в новороссийской газете о впечатлениях и жизни под красными. Мы считали его потерянным навсегда, но года через два он выбрался из Советской России через Финляндию. Среди пассажиров и особенно пожилых полковников и генералов было очень озлобленное настроение против членов Особого

¹ Струве П. Sursum corda // Великая Россия. 1920. 20 февраля. № 410. С. 1.

² Струве П. Промотанная Россия // Великая Россия. 1920. 22 февраля. № 412. С. 1.

³ Эмигранты // Русское время. 1920. 25 февраля. № 46. С. 4.

⁴ В первый раз Струве был вынужден оставить больного С. С. Ольденбурга в самом конце 1919 г., во время эвакуации Ростова-на-Дону, о чем можно прочитать в дневнике академика В. И. Вернадского: «Очевидно, Струве его оставил. У него испанка. Госпиталь должны были переводить, но Струве сказал, чтобы Сережу оставили — он возьмет его с собой. Однако автомобиль, на который рассчитывал Стр[уве], его надул, и он бросил Сережу на произвол судьбы, уехал один» (Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Январь 1920 — март 1921. Киев, 1997. С. 16). Очевидно, иного выхода у Струве не было, и Ольденбург впоследствии никаких претензий по этому поводу предъявлять П. Б. не будет; отношения между ними сохранятся самые теплые и дружеские.

¹ НИА. Вох 1. Folder 12. *Кадомцев Б. П.* Воспоминания о Петре Бернгардовиче Струве.

² Сербский комитет // Великая Россия. 1920. 11 (24) января. № 378. С. 1.

³ VAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Вох 12. *Деникин А. И.* Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской смуты». Л. 54.

⁴ НИА. P.N. Vranghel collection. Вох 161. Folder 27. Письмо В. В. Шульгина П. Н. Врангелю, январь 1920 г.

⁵ Струве П. Б. За свободу и величие России / вступ. ст., сост., публ. и коммент. Н. А. Струве // Новый мир. 1991. № 4. С. 230.

совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (министров). Кто-то требовал кого-то выселить из каюты и предоставить ее их семьям. <...> Струве старается не показываться на палубе, хотя он не имел никакого отношения к правительству ген[ерала] Деникина...»¹ П. Б. был мрачен и молчалив, чуждался людей и все время повторял Борману: «Как это могло произойти! Просто не могу понять, как это могло произойти!»² По воспоминаниям генерал-майора Ф.П. Рерберга, плившего тем же рейсом, они покинули Новороссийск 21 февраля (5 марта): «Вечером, когда уже начало темнеть, “Саратов” отдал концы, два буксира начали оттаскивать нас от пристани и, когда все провожающие во мраке наступившей темноты начали смешиваться с окружающими предметами, затрепетал старый “Саратов”, заработали под кормом винты, и мы вышли в открытое море!» В Константинополь прибыли 23 февраля (7 марта) под желтым флагом, означающим, что судно находится на карантине. Организация дезинфекции была организована безобразно, «Саратов» то отправляли в местечко Тузла, то возвращали в Константинополь. В конце концов, так и не проведя дезинфекцию, союзные власти разрешили произвести высадку. «От лиц, желавших остаться в Константинополе или на островах, требовались подписки о материальной обеспеченности, — вспоминал Рерберг. — К “Саратову” подошел пароход, который должен был везти пассажиров прямо на острова. У кого были достаточные деньги, тех спускали прямо в Константинополе. Среди съехавших на берег без затруднений был и профессор П.Б. Струве»³. Таким образом, переезд из Новороссийска в столицу Османской империи занял почти неделю.

Оказавшись в Константинополе, Струве остановился в посольстве в качестве дипломатического курьера, где, согласно воспоминаниям Г.Н. Михайловского, с ним произошел небольшой инцидент. Через несколько дней после приезда П. Б. отдал свой паспорт сотруднику посольства Рогальскому для получения европейских виз, и тот обнаружил, что в документе нет ни малейших указаний не только на его статус дипломатического курьера, но и вообще на причастность к правительственным учреждениям⁴. Рогальский обратился к консулу Н.П. Якимову с вопросом, имеет ли Струве право пользоваться гостеприимством посольства, раз он просто частное

лицо? Якимов, удостоверившись в правильности сообщенной ему Рогальским информации, предложил Струве покинуть посольство, что тот и вынужден был сделать под угрозой выселения. По мнению Михайловского, Струве, как бывший директор департамента МИД, имел право быть принятым в посольстве, но, будучи малознакомым с дипломатической практикой, он покорно подчинился решению Якимова. Два месяца спустя, став министром иностранных дел, П. Б. по пути в Париж вновь остановился в константинопольском посольстве и, встретив Рогальского и Якимова, напомнил им о том, как они его выселили. Сотрудники посольства были очень испуганы, но Струве не сделал им ничего плохого, обнаружив «незаурядное добродушие и отсутствие злопамятности»¹.

Других подробностей месячного пребывания Струве в Константинополе у нас, к сожалению, нет. Известно лишь, что он изредка по вечерам принимал участие в беседах с П.Н. Врангелем и А.В. Кривошеиным, проходивших за чашкой турецкого кофе в одном из бесчисленных кафе². Врангель вспоминал, что 21 марта (3 апреля) 1920 г., в день, когда он отправился в Крым принимать власть от ушедшего в отставку А.И. Деникина, Струве в городе отсутствовал. Вернувшись, П. Б. узнал о произошедших событиях и, по словам Врангеля, «поспешил прибыть в Севастополь, справедливо полагая, что мне необходимы желающие работать, преданные делу, люди. Я глубоко оценил эти побуждения. Человек большого ума, огромной эрудиции, Струве, как ученый и политик, был хорошо известен в Европе. Как советник он мог мне быть чрезвычайно полезен»³. Прибыв в Севастополь примерно 29 марта (11 апреля), Струве был назначен начальником управления иностранных сношений — фактически министром иностранных дел, хотя формально его должность так никогда не называлась. 31 марта (13 апреля) Струве писал из Севастополя русскому послу во Франции В.А. Маклакову о том, что произошедшее, «являясь крушением Добр[овольческой] армии, в то же время было личным крушением Деникина». В связи с этим П. Б. радовался тому, что перемена в главном командовании «произошла легально-преемственно». По его мнению, произошли лишь изменения военного характера, не имеющие политического характера: «Нельзя в этом отношении сказать, что произошел сдвиг направо, хотя и главнокомандующий, и большинство его сотрудников, и в том числе я, несомненно, с банальной точки зрения правые». Впрочем, если можно было говорить о повороте политического курса, то это был поворот «влево», но под контролем «правых»: «Фактически победила та “правая” линия, которую я отстаивал в беседах моих с Вами, но победила после крушения того, что ей противилось, после того, что противоположная линия пала по личной несостоятельности ее носителей в самой главной области, в военной. Это изменяет общий характер всего происшедшего, и теперь “правые” гораздо ближе и к федерации, и к радикальному разрешению аграрного вопроса, чем были прежде “левые”. Вопрос о форме правления, как вопрос сейчас существенный

¹ ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 2. Д. 34. Л. 256, 257.

² Борман А. Из воспоминаний о П.Б. Струве // Новое русское слово. 1969. 8 сентября. № 21636. С. 2.

³ НИА. F.P. Rerberg memoires. Рерберг Ф.П. Исторические загадки в Революции в России. Крепость Севастополь под властью германцев, англичан, французов и добровольцев генерала Деникина (Записки и воспоминания начальника штаба Севастопольской крепости с 1 мая 1918 года по 17 апреля 1919 года). С. 184–187.

⁴ Стоит отметить, что у Струве имелось письмо министра финансов М.В. Бернацкого, в котором сообщалось о данном ему секретном поручении, а также о выдаче 1100 фунтов стерлингов, 2 000 000 рублей советскими денежными знаками и 360 000 рублей денежными знаками ВСЮР (ГА РФ. Ф. Р-5912. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). Кроме того, у него было и удостоверение на русском, английском и французском языках, в котором говорилось о том, что Струве «отправляется за границу с специальными возложенными на него Министерством финансов поручениями», в связи с чем нужно «оказать ему всяческое содействие» (Там же. Л. 1). В связи с этим нельзя исключать того, что история, рассказанная Г.Н. Михайловским, является простой легендой. Впрочем, зная особенности характера П. Б. и его рассеянность, можно предположить и то, что он просто решил уйти без скандала, не решившись размахивать бумагами от министерства (а может быть, и вообще в нужный момент забыл сказать про эти бумаги).

¹ Михайловский Г.Н. Записки. Кн. 2. С. 551–552.

² Врангель П.Н. Записки (Ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г.) // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. V. С. 302–303.

³ Врангель П.Н. Записки (Ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г.) // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. VI. С. 27.

для власти, не ставится даже самыми убежденными и пылкими монархистами, если они только сознают политическую и, главное, военную обстановку»¹.

9 (22) апреля 1920 г. П. Б. принял участие в первом заседании Совета при главнокомандующем ВСЮР^{II}, позднее преобразованного в правительство Юга России. В течение апреля 1920 г. Струве активно занимался не только иностранными делами, но и вопросами экономического положения Крыма, разработкой планируемых реформ и реорганизацией административно-государственного аппарата. «Я страшно занят, ибо кроме дел управления иностранных сношений мне приходится участвовать в обсуждении и решении других дел, в обстановке, делающей всякую работу весьма трудной, — писал Струве Маклакову 12 (25) апреля. — Но после кошмарных дней Новороссийска здесь все-таки можно жить и дышать»^{III}.

Как сообщала пресса, Струве в это время имел наибольшее влияние на направление политики нового правительства^{IV}. Парижская газета «Последние новости» усматривала в сложившемся положении определенное противоречие: с одной стороны, Врангель опирается на группу, взгляды которой прежде выражала «Великая Россия», а его политическим советником является Струве; с другой, «окружающие Врангеля лица говорят, что они хотят быть революционерами в области социальной, провести в жизнь земельный закон, разработанный демократическим Южно-Русским правительством^V»^{VI}. А.А. Борман, вызванный в Крым для поступления на дипломатическую службу и выполнения ряда деликатных заданий, вспоминал: «П.Б. Струве не изменился и нисколько не был похож на министра. Но в его кабинет все время входили с докладами, и он быстро давал распоряжения и указания. Мои разговоры с ним были исключительно деловые. Только раз, оставшись со мной на короткое время вдвоем, он воскликнул: «Какая судьба России. Если бы Врангель стал главнокомандующим раньше, то, может быть, удалось бы предотвратить катастрофу. Боюсь, что теперь уже поздно. Но пока мы обязаны продолжать»^{VII}.

В одном из первых интервью для прессы, напечатанном в газете «Крымский вестник», Струве заявил, что Крым в согласии с британской нотой «рассматривается главным командованием как некоторая территориальная единица с самостоятельным бытием», и задача состоит в том, чтобы спасти его от поглощения Советской Россией. «Главное командование намерено мерами морально-организационного характера объединить все антибольшевистские силы и привлечь на свою сторону все те национальные образования на территории России, которые не признают советского режима. Объединение должно состояться вокруг главного командования под его главенством и руководством», — объяснял Струве новую позицию властей и добавлял, что первым шагом в этом отношении стало соглашение командования с казачьими

атаманами как представителями казачьих областей. Несмотря на то, что союзники считали необходимым полное прекращение гражданской войны, П. Б. полагал это невозможным: «Прекращение военных действий со стороны Вооруженных сил Юга России не может повлечь прекращения гражданской войны и анархии в Советской России даже в тех областях, которые находятся под непрерывным владычеством советского режима, не говоря уже о таких хронических очагах анархии, как Украина и Новороссия. Советский режим есть по самой своей природе состояние гражданской войны, и потому идея о прекращении гражданской войны при сохранении советского режима — утопия»¹.

По воспоминаниям князя В.А. Оболенского, именно весной 1920 г. он впервые услышал от Струве «формулу о необходимости делать левую политику правыми руками»^{II}, позднее получившую широкое распространение (намек на нее мы можем видеть в процитированном выше письме Маклакову). По свидетельству Г.Н. Михайловского, новый курс Врангеля и его советников выглядел пикантно, «так как именно П.Б. Струве и А.В. Кривошеин, главные деятели нового правительства, были при Деникине вдохновителями реакционного течения в аграрном вопросе»^{III}. Что же произошло со Струве, всего лишь за полтора месяца до этого писавшим о том, что «развал фронта есть явление, независимое от какой-либо политики, и левой политикой не только нельзя восстановить фронт, но можно его только еще больше развалить»^{IV}. Конечно, в данном случае можно обвинить П. Б. в оппортунизме, но, на наш взгляд, этот оппортунизм был скорее внешним, чем внутренним, сущностным. Еще осенью 1919 г. Струве писал, что «деловая программа должна исходить из абсолютно непрекаемого верховенства военно-политической задачи — уничтожения большевизма как государственной организации и уничтожения его же как стихийного бытового явления»^V, а власть, выполняющая эту задачу, «должна верить в себя»^{VI}. Разочаровавшись в Деникине, Струве, исходивший из исповедуемой им концепции «личной годности» человека, увидел во Врангеле прирожденного вождя, властителя, который «верит в себя». После этого уже не имело никакого значения, какой курс будет проводиться — «правый» или «левый».

Наладив работу своего ведомства, Струве отправился в Париж, где находился весь цвет российской дипломатии (по иронии судьбы, собственно севастопольское управление уступало своему парижскому представительству и по численности, и по именам). 28 апреля (11 мая) 1920 г. Струве, оставив своим заместителем Г.Н. Трубецкого, выехал на американском миноносце № 127 в Константинополь^{VII}, а оттуда через Бриндизи и Рим в Париж. Прибыв в столицу Франции примерно 11 (24) мая, первые дни П. Б. вел себя очень осторожно, встретился только с послом В.А. Маклаковым и несколькими политическими деятелями, близко стоящими к посольству, а от интервью уклонялся,

¹ К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. Неизданные документы из архивов П.Б. Струве / публ. Г.П. Струве // Мосты. 1970. № 15. С. 415–416.

^{II} Начало врангелевщины / публ. А. Гуковского // Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 177–181.

^{III} К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. С. 420.

^{IV} Митронов М. В политических кругах // Последние новости. 1920. 12 мая. № 13. С. 2.

^V Имеется в виду весьма левое по своему составу правительство, существовавшее в последние месяцы правления А.И. Деникина.

^{VI} П. Б. В политических кругах. Ген. Врангель // Последние новости. 1920. 18 мая. № 18. С. 3.

^{VII} Борман А. Новороссийск — Константинополь — Крым. Отрывки из воспоминаний // Новое русское слово. 1970. 24 февраля. № 21805. С. 2.

¹ Союзники и Россия. Беседа с П.Б. Струве // Последние новости. 1920. 13 мая. № 14. С. 3.

^{II} Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. С. 702.

^{III} Михайловский Г.Н. Записки. Кн. 2. С. 533.

^{IV} Струве П.Б. За свободу и величие России // Новый мир. 1991. № 4. С. 231.

^V Струве П. Деловая программа // Великая Россия. 1919. 13 (26) ноября. № 345. С. 1.

^{VI} Струве П. Власть должна верить в себя // Великая Россия. 1919. 29 октября (11 ноября). № 332. С. 1.

^{VII} Поездка П.Б. Струве // Юг России. 1920. 29 апреля. № 25 (218). С. 2.

отношения между Францией и Россией»¹. 12 (25) октября П. Б. провел переговоры с министром финансов Франсуа Марселем^{II}.

Струве активно занимался решением различных экономических и политических вопросов, связанных с поддержкой Крыма, не зная еще, что судьба Русской армии предрешена. Заключение польско-советского перемирия позволило большевикам перебросить свои войска на Юг для решающего наступления. И летом, и осенью Струве прилагал все силы к тому, чтобы доказать прочность положения Врангеля в Крыму, и по этому поводу даже подшучивали, что министр иностранных дел «побивает все рекорды казенного оптимизма»^{III}. Именно поэтому в ноябре 1920 г. он был шокирован произошедшей крымской эвакуацией, о подготовке к которой его не известили^{IV}. А. А. Борман вспоминал: «Известие о катастрофе пришло как-то неожиданно. Мы — моя мать, отчим и я сидели у Александры Васильевны Гольштейн на рю де ля Тур в Пасси, когда пришел Струве и сказал, что в посольстве получено сообщение об эвакуации Крыма войсками Врангеля. В течение некоторого времени мы сидели молча, не обмениваясь друг с другом никакими сообщениями. Потом начался тихий разговор о происшедшем. Было очень тяжело»^V.

Почти все усилия Струве на дипломатическом поприще оказались напрасными, проекты экономических и политических соглашений, над заключением которых он работал, теперь никому не были нужны. По большому счету, единственным итогом его работы в МИДе было получение французского признания, имевшего теперь, осенью 1920 г., уже не политическое, а исключительно гуманитарное значение. Масштабная эвакуация, осуществленная Врангелем, была облегчена тем, что Франция признала крымское правительство и предоставила ему необходимый тоннаж, пусть и на достаточно обременительных условиях^{VI}. «Без преувеличения можно сказать, что только благодаря ему (признанию. — А. Ч.) могла совершиться под защитой французского флага эвакуация из Крыма — и многочисленные беженцы обязаны спасением своей жизни не только доблестному нашему флоту, но и большому дипломатическому успеху Струве», — писал В. Х. Даватц много лет спустя^{VII}.

Несмотря на произошедшее, Струве не собирался прекращать борьбу. «Обрушившийся на нас тяжкий удар отнюдь не лишает нас бодрости и веры в окончательную и даже весьма близкую победу. Сейчас, с поражением последней значительной антибольшевистской военной силы, еще резче, чем прежде, выступит мировой смысл большевизма. С исчезновением Крымской цитадели сцена борьбы между большевизмом и культурой расширяется. Большевизм есть мировое явление, и судьба его будет решена только на мировой сцене», — писал он в своей статье, опубликованной в парижской газете «Общее дело»^{VIII}. Последующие полтора месяца П. Б. прожил

в Париже, формально оставаясь на своем посту, но отказ французов признавать официальный статус Врангеля и Русской армии после оставления Крыма фактически превратил его из министра иностранных дел в человека, занимающегося вопросами изыскания средств для новой волны русских беженцев. 10 (23) декабря 1920 г. Струве прибыл в Константинополь, причем, по свидетельству Н. Н. Чебышева, его «чуть не убило дышлом налетевшей на его автомобиль извозчицей пролетки при переезде с вокзала в посольство»^I.

6 (19) января 1921 г. П. Б. подал в отставку, написав Врангелю письмо с объяснением своего поступка: «Целый ряд фактов убедил меня, что во взглядах на способ действий в отношении как внешних сил, так и русской общественности я сильно расхожусь с Вами. Это обстоятельство не позволяет мне больше нести исполнение обязанностей заведующего частью иностранных сношений, существование которой, впрочем, при настоящей постановке дела не имеет никаких объективных оснований». Струве считал, что главное командование ведет ошибочную политику в отношении французских властей в Константинополе и русской общественности, а также не верил в возможность сохранения армии в ее нынешнем состоянии. Несмотря на возникшие разногласия и заявление об отставке, в письме Врангелю Струве отметил, что «работа в качестве Вашего ближайшего помощника останется всегда драгоценным для меня воспоминанием: следуя за Вами в Вашем трудном служении России и армии, я повиновался не только чувству долга, но и сердечному влечению. Поверьте мне также, что и впредь я, в меру своего разумения, вне служебных рамок буду посвящать все свои силы делу России и русской армии»^{II}. Незадолго до этого на совещании в Константинополе будет принято решение о возобновлении «Русской мысли»^{III}, и Струве, пробыв чуть менее года на государственной службе, вернулся к своим прежним занятиям — публицистике и научной деятельности.

* * *

На протяжении рассмотренных нами четырех лет взгляды Струве не стояли на месте. Если в 1917 г. он размышляет еще вполне в либерально-демократической парадигме, то в 1918–1919 гг. его воззрения смещаются не столько даже в сторону «правизны» (они и в предыдущие годы не были особенно «левыми»), сколько в сторону авторитаризма. Непродолжительный «ростовско-новороссийский» период в жизни Струве оказался весьма примечательным. Именно на белом Юге он — бывший «легальный марксист» и автор манифеста РСДРП — стал одним из наиболее яростных проповедников русского национализма и виднейшим идеологом белой военной диктатуры. И именно с этого времени можно говорить о его окончательном переходе в право-консервативный лагерь, в котором он будет находиться в годы эмиграции. Сам же Струве утверждал, что со времен «Вех» его политические взгляды не претерпели сколько-нибудь существенных изменений, хотя в течение последних революционных лет он пережил многое^{IV}. И, наверное, он прав, если говорить о базовых идейных

^I П. Б. Струве у президента Республики // Общее дело. 1920. 23 октября. № 100. С. 1; В. Б. П. Б. Струве у президента Республики // Последние новости. 1920. 24 октября. № 155. С. 1.

^{II} П. Б. Струве у Ф. Марсала // Последние новости. 1920. 26 октября. № 156. С. 1.

^{III} Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 2. С. 588.

^{IV} Там же. С. 674.

^V Борман А. Константинополь — Лондон — Финляндия // Новое русское слово. 1920. 17 июня. № 21918. С. 4.

^{VI} К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. С. 422.

^{VII} Даватц В. Указ. соч. С. 13.

^{VIII} Струве П. La séance continue // Общее дело. 1920. 17 ноября. № 125. С. 1.

^I Чебышев Н. Близкая даль. Святки в Константинополе // Возрождение. 1932. 9 января. № 2412. С. 5.

^{II} К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. С. 426.

^{III} Чебышев Н. Из записной книжки. Отрывки. 1921 год // Возрождение. 1936. 28 марта. № 3951. С. 2.

^{IV} Струве П. Важный полемический итог // Великая Россия. 1919. 20 декабря (1920. 2 января). № 373. С. 1.

установках. Но все же нельзя не заметить, что статьи этого периода отличаются радикальностью и резкостью суждений — чего только стоит несколько раз повторенный им тезис об инородческой сущности большевизма. Весной 1920 г., став государственным служащим, Струве был вынужден до известной степени смягчить свою риторику и из тактических соображений усилить «демократическую» составляющую своих воззрений, выступив за федеративное устройство будущей России и несколько изменив свое отношение к украинской проблеме. Правда, изменения эти касались лишь его отношения к политической демократии и окраинному вопросу, в остальном же его воззрения оставались неизменными, причем не только в рассматриваемый нами период времени. «Русская свобода», под которой подразумевалась в первую очередь свобода экономическая, культурная, бытовая, и «Великая Россия», мощное русское национальное государство, — были двумя основными принципами Струве на протяжении всей его жизни, и весьма показательно, что именно так назывались в годы Революции и Гражданской войны те печатные органы, которые он редактировал. Как впоследствии писал Глеб Струве, «мой отец и был, и считался, и сам считал себя после революции “правым”», но, несмотря на это, «до конца своих дней (этому есть много доказательств) оставался по существу либералом, хотя и предпочитал называть себя либеральным консерватором»¹.

* * *

К сожалению, П. Б. Струве никогда не везло с републикацией работ — при жизни ему удалось выпустить всего лишь два сборника своих избранных статей. Неудивительно, что подобная же судьба постигла и его статьи 1917–1920 гг. К тому же некоторые из них после поражения Белого движения утратили свою актуальность, а переиздание их в эмиграции было сопряжено со слишком значительными трудностями. Сам Струве никакой инициативы в данном вопросе не проявил, ограничившись лишь перепечаткой двух ростовских лекций, которые он не без оснований считал самыми важными своими произведениями данного периода. Правда, в марте 1922 г. А. В. Тыркова-Вильямс предлагала ему переиздать и другие тексты революционной эпохи: «Сейчас просматривала газеты 1917 г. Наткнулась на Вашу речь в Совете Республики и захотелось издать пожать Вашу руку. Отчего Вам не издать Ваши речи и статьи времен революции? Это был бы интересный документ»². Струве, вероятно, был не против выпуска подобного сборника, но времени и денег для подготовки его, как обычно, не нашлось.

Часть текстов П. Б., написанных в 1917–1920 гг., была переиздана лишь 50 лет спустя, и то надо отметить, что это «переиздание» (если в данном случае вообще так можно выразиться), оказалось крайне специфическим. В 1970 г. вышло 15-томное собрание сочинений Струве, подготовленное Р. Пайпсом и включающее в себя 663 текста примерно на 8500 страницах (14 томов с текстами и 1 том с указателем). А. А. Борман отмечал, что данное собрание сочинений — «большая заслуга проф[ессора] Пайпса в отношении сохранения русских культурных ценностей. Богатая Америка дала ему возможность сделать то, что вряд ли когда-нибудь сделают и в будущей России». Специфика же данного собрания сочинений заключалась в следующем. Статьи

Струве, воспроизведенные ксерографическим способом при финансовой поддержке одного из американских культурных фондов и технической помощи Мичиганского университета, представлялись на суд читателя на том языке, на котором они были опубликованы (95% — на русском, остальные на немецком, английском, французском), а предисловия редактора и комментарии — на английском¹. По большому счету, это были собранные под одной обложкой фотокопии статей Струве с полным сохранением всех особенностей (шрифт, оформление и т. д.) тех изданий, в которых они впервые были опубликованы. Данное издание, продававшееся по цене в 820 долларов, не получило большого распространения — видимо, подавляющая часть тиража ушла в американские библиотеки. Насколько нам известно, в российских библиотеках нет ни одного экземпляра «пайпсовского» собрания сочинений.

Статьи интересующего нас периода вошли в 11-й том под общим заголовком «Война, Революция, Гражданская война. 1914–1920»². Том предваряет предисловие Р. Пайпса, к сожалению, содержащее некоторые ошибки. Так, например, он почему-то посчитал, что лекция Струве в Ростове-на-Дону в ноябре 1919 г. была обращена к офицерам Добровольческой армии³, хотя это было открытое публичное мероприятие, которое могли посетить все желающие, а не только военнослужащие. Как уже подчеркивалось выше, в посвященном Струве труде Пайпса период осени 1919 — начала 1920 г. остался наименее изученным. Кроме того, надо отметить еще одну особенность как этого конкретного тома, так и собрания сочинений в целом: Пайпс включил в него только книги и журнальные статьи Струве⁴, а также те его газетные статьи и речи, которые вышли отдельными изданиями или были впоследствии перепечатаны каким-нибудь журналом. Все те статьи, которые были напечатаны только в газетах, остались вне этого собрания сочинений. Порой это приводило к определенным курьезам: так, оригинальная статья Струве «Большевизм и Ленин», опубликованная на русском языке в газете «Общее дело», в собрание сочинений не вошла, зато в нем присутствует та же самая статья в переводе на французский язык — на том основании, что она была републикована в сборнике «La Russie d'aujourd'hui et de demain». Таким образом, из статей 1917–1920 гг. в подготовленное Пайпсом собрание сочинений вошли все тексты из «Русской мысли», «Русской свободы», «Известий Академии наук», перепечатки «Размышлений о русской революции» и статьи из сборника «Из глубины», речь на французском языке, произнесенная в Париже в марте 1919 г., а также переводы на французский и английский язык двух статей, первоначально опубликованных в «Общем деле» и «Великой России»⁵.

¹ Борман А. Американское издание трудов Петра Струве // Новое русское слово. 1971. 7 марта. № 22181. С. 5.

² Struve P.B. Collected Works in Fifteen Volumes / ed. by R. Pipes. Vol. XI. War, Revolution, Civil War. 1914–1920. Ann Arbor, Mich.: University Microfilms, 1970.

³ Pipes R. Introduction // Struve P.B. Collected Works. Vol. XI. P. 5.

⁴ Богуславский И. Ричард Пайпс: «Сегодня у России есть исторический шанс» // Новое русское слово. 1993. 15 января. № 29173. С. 15.

⁵ В примечаниях к основной части сборника, в которых указаны обнаруженные нами републикации статей Струве, данное собрание сочинений было решено не упоминать в силу его специфических особенностей (способ воспроизведения, отсутствие собственной пагинации, малотиражность и фактическая недоступность).

¹ Струве Г. Письмо в редакцию // Новое русское слово. 1956. 3 октября. № 15803. С. 4.

² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 362.

За последние десятилетия вышло несколько сборников статей Струве¹, а также библиографий его работ^{II}, но, к сожалению, в них период 1917–1920 гг. был освещен в незначительной степени, а преимущественное внимание уделялось или дореволюционной, или эмигрантской публицистике П. Б.

Нам бы хотелось, чтобы данное издание стало полным собранием публицистики Струве за 1917–1920 гг., но обстоятельства внесли ряд корректив. К сожалению, не удалось просмотреть несколько номеров «Великой России», отсутствовавших и в российских архивах и библиотеках, и в Славянской библиотеке в Праге (№№ 376 и 377 за 1919 г., 399 и 407 за 1920 г.). Если судить по каталогу Библиотеки Конгресса США, они могут быть в их собрании – по крайней мере, на сайте указано, что у них имеются №№ с 234 по 561 (правда, непонятно, с лакунами или без). Был сделан заказ на сканирование данных номеров, но получить их в срок не удалось, т.к. с марта 2020 г. Библиотека Конгресса фактически не функционирует из-за эпидемии коронавируса. Можно утверждать, что в этих номерах (если говорить конкретнее, в № 399) была напечатана как минимум одна статья Струве, – на это указывает полемическая заметка в «Вольной Кубани»^{III}. После снятия карантинных ограничений мы постараемся получить недостающие статьи и опубликовать их.

¹ Струве П.Б. Избранные сочинения / сост. и ред. М.А. Колерова, прим. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова, подг. текста Е.В. Харитоновой и Н.В. Россиной. М., 1999; *Он же*. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина / Сост. и статья А.В. Хашковского. СПб., 2000; *Он же*. Дневник политика (1925–1935) / Вступ. ст. М.Г. Вандалковской, Н.А. Струве; Подгот. текста, коммент., указатели А.Н. Шаханова. М., 2004; Колеров М.А. Петр Струве: революционер без масс 1870–1918. Приложение: Новое собрание сочинений П.Б. Струве (1903–1917). М., 2020. С. 261–427.

^{II} Bibliography of the published writings of Peter Berngardovich Struve = Библиография печатных работ Петра Бернгардовича Струве / Ed. by R. Pipes. Ann Arbor, 1980 (перераб. и доп. вариант: Библиография // Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. С. 581–671); П.Б. Струве: библиография печатных работ и исследований о его творчестве / сост. О.Л. Гнатюк // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 11. СПб., 1998. С. 147–167; Жукова О.А. Библиография // Петр Бернгардович Струве / под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М., 2012. С. 300–316. Также использовались росписи статей тех журналов, в которых Струве публиковался: Гапоненков А.А., Клейменова С.В., Попкова Н.А. «Русская мысль»: Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания за 1907–1918 гг. / Вступ. статья А.А. Гапоненкова. М., 2003; «Накануне» (1918). Роспись содержания // Колеров М.А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: 2017. С. 163–166; Журнал «Русская свобода» (1917): Роспись содержания // Там же. С. 301–306.

^{III} Приводим полностью отзыв «Вольной Кубани» на эту статью, выделив курсивом текст Струве: «...“Орган государственной и национальной мысли” нервничает. Нервозность, положим, всегда составляла индивидуальную черту того типа деятелей, какой был и будет дорогим для “Великой России”, но все же становится любопытным, когда такие хладнокровные и уравновешенные люди, как П.Б. Струве, теряют душевное спокойствие. Констатируя возвращение к разбитому корыту или, литературно, “к исходной точке патриотического движения”, мы, – пишет г. Струве – “возвращаемся обогащенные и в то же время смиренные опытом, горьким и тяжелым”. Далее г. Струве говорит, что обстоятельства, заставившие патриотов возвратиться “к исходной точке” патриотизма – в Новороссийск (какая это приятная “точка!”), вызваны ни русской политикой союзников, какую г. Струве “не склонен оправдывать”, ни “революционной демократией”, которая лишь “плачевное недоразумение”. Нет, автор мужественно признает, что корень зла – в самих русских патриотах, которых он курсивом приглашает оглянуться на самих себя. Только тогда дело восстановления России будет прочно, “когда в России во имя долга, диктуемого государственными задачами, сплотится кучка

Так или иначе, мы стремились воспроизвести максимально возможное количество опубликованных статей и речей Струве 1917–1920 гг.^I, при этом не преследуя цели включить в сборник все, что написал П. Б. в указанный период времени. До сих пор в различных архивах хранится множество писем, телеграмм, черновиков Струве, которые ждут своего публикатора^{II}. В качестве исключения было решено поместить в сборник некролог великому князю Николаю Михайловичу, написанный в 1919 г., но опубликованный уже после смерти Струве, а также аналитическую записку «Смысл происшедшего на Юге России», в полном объеме ранее не публиковавшуюся, но упоминавшуюся в книге Пайпса. С другой стороны, было решено не включать в сборник несколько текстов сугубо научного характера – речь, произнесенную на докторском диспуте в Киевском университете 17 февраля (2 марта) 1917 г. (Струве выступил с ней еще до революции, но напечатал уже после февральско-мартовских событий)^{III}, и ряд статей, опубликованных в «Известиях Российской Академии наук»^{IV} – к тому же

людей, фанатически преданных этому долгу и полных волевого упора, и когда это морально крепкое ядро, ясно уразумеет знамения времени, восприняв уроки истории, отделившись от идейного и прочего высокомерия, станет стройно и упорно, как боевой отряд, проникнутый духом монашеского ордена, работать на пользу государства”.

Вопрос о нужном для выполнения высокой задачи восстановления России числе людей – вопрос специальный, который не может рассматриваться в рамках газетного обзора. Что касается “духа монашеского ордена”, то о нем писали очутившиеся в Новороссийске газеты, не раз сообщавшие о добровольческом “крестоносном легионе”, который собирался ехать на помощь адмиралу Колчаку. Недавно те же газеты сообщили слух о расстреле Верховного правителя и после этого ими уже не упоминалось о “крестоносном легионе”.

Автор справедливо заканчивает:

“В великой борьбе, которая ведется в России и которая имеет мировое значение, победит тот, на чьей стороне будет высшая личная годность и кто сильной волей будет осуществлять то, что ему диктует нравственный долг”.

В выполнении политических заданий “нравственный долг” может быть понимаем различными людьми диаметрально противоположно. Что же касается того, где высшая личная годность и сильная воля, то, надо думать, история поведает нам об этом в не столь отдаленном будущем. Во всяком случае, сейчас и годность, и сильная воля не сидят в Новороссийске готовыми ежечасно к отъезду за границу» (Отклики // Вольная Кубань. 1920. 12 февраля. № 33. С. 2).

^I Это не относится к интервью Струве, общее количество которых не исчерпывается приведенными в сборнике. За 1917–1920 гг. П. Б. дал множество комментариев прессе, побеседовал с сотрудниками десятков изданий, в том числе и иностранных (особенно часто он это делал летом – осенью 1920 г. в качестве главы МИДа), поэтому мы, включая в сборник некоторые из интервью, ставили своей целью не собрать все тексты данного жанра, а лишь закрыть «лакуны», возникшие по причине того, что Струве, заняв пост в крымском правительстве, долгое время не публиковал авторских статей.

^{II} Порой, когда идет речь о черновиках, не всегда возможно точно установить дату написания статьи. Так, например в ГА РФ хранится черновик статьи «1917–1920», но, если исходить из ее содержания и упоминания о «позорном Рижском мире», можно сделать вывод, что она была написана не ранее марта 1921 г. (ГА РФ. Ф. Р-5912. Оп. 1. Д. 9).

^{III} Струве П. Хозяйство и цена. Речь, произнесенная на докторском диспуте в Киевском университете 17 февраля 1917 г. // Русская мысль. 1917. Кн. III–IV. Отдел 2. С. 130–136.

^{IV} Струве П.Б. Проблема капитала в системе политической экономии, построенной на понятии цены (Доложено в заседании Отделения исторических наук и филологии 6 сентября 1917 г.) // Известия Российской Академии наук. 1917. № 16. С. 1401–1414; *Он же*. Предисловие к статье: Самсонов В.В. Теория чистого дохода у физиократов. К характеристике и оценке их учений (Представлено академиком

последние выложены в электронном виде на «Общероссийском математическом портале» (<http://www.mathnet.ru>).

Таким образом, всего в сборник вошло 125 текстов, датированных мартом 1917 – ноябрем 1920 гг.: 88 статей (в т.ч. 6 рецензий), 20 бесед с корреспондентами различных изданий (а также кратких комментариев для прессы), 16 речей и докладов, 1 аналитическая записка¹. Все тексты расположены в хронологическом порядке: статьи и интервью датированы днем их появления на страницах печати, речи – днем, когда они были произнесены. Большая часть статей подписана именем и фамилией автора – «Петр Струве», две – инициалами «П. С.». Восемь статей подписаны различными псевдонимами: «N. N.» (3), «С. Т. Р.» (2), «Н. С. Д.» (1), «Р. О.» (1), «S.» (1). В 14 статьях – преимущественно передовицах «Великой России» – подпись отсутствует; часть из них выявлена благодаря другим источникам (например, воспоминаниям редактора газеты В.М. Левитского и бывшего ученика Струве по Политеху Б.П. Кадомцева), часть по косвенным признакам, таким, например, как развитие тем, которые уже были подняты в других, «авторизованных» статьях, или стилистические особенности (кроме того, стоит отметить, что до появления Струве публикация неподписанных «редакционных» передовиц в «Великой России» вообще долгое время не практиковалась)^{II}.

Все очевидные ошибки и опечатки исправлены без оговорок. По возможности сохранены особенности авторского стиля и оригинальное написание иностранных имен и фамилий (современное их написание приводится в примечаниях).

В заключение научный редактор сборника хотел бы поблагодарить А.А. Пигарева, участвовавшего вместе со мной в поиске статей Струве и написании комментария, рецензента – к.и.н. М.А. Колерова, а также коллег и знакомых, оказавших ценную помощь при подготовке данного сборника – д.ф.-м.н. С.В. Машкевича и С.Г. Сенопальникова. Отдельная благодарность сотрудникам архивов и библиотек, в которых довелось поработать во время подготовки сборника, фонду «Связь Эпох», Совету по грантам Президента Российской Федерации, поддержавшему данный проект, а также сотрудникам кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории СПбГУ.

А.А. Чемакин

П.Б. Струве в заседании Отделения исторических наук и филологии 6 сентября 1917 г.) // Там же. 1917. № 17. С. 1455; *Он же*. К вопросу о классификации доходов (Доложено в заседании Отделения исторических наук и филологии 29 ноября 1917 г.) // Там же. 1918. № 5. С. 313–316; *Он же*. Кто первый указал на применение статистики к филологическим исследованиям? (Доложено в заседании Отделения исторических наук и филологии 18 (5) сентября 1918 года) // Там же. 1918. № 13. С. 1317–1318; *Он же*. Понятие и проблема торговой политики (Доложено в заседании Отделения исторических наук и филологии 15 ноября 1917 г.) // Там же. 1918. № 18. С. 2117–2128.

¹ Разделение на «жанры» весьма условно, т.к. большая часть речей впоследствии была опубликована в виде статей, одна из статей представляет из себя переработанное интервью, и т.д.

^{II} По всей видимости, перу Струве принадлежат и некоторые обзоры печати, публиковавшиеся на страницах «Великой России», но в данном случае установить его авторство представляется затруднительным. Также, по нашему мнению, Струве является автором, по крайней мере, нескольких обзоров прессы, помещавшихся на страницах «Русской свободы» в 1917 г. (напр., заметок «Красносотенство и черносотенство» и «Новые славянофилы» в № 16–17, с. 30–31).

П. Б. СТРУВЕ СТАТЬИ, РЕЧИ, ИНТЕРВЬЮ

1917–1920 гг.

Документы прошлого

Ниже мы печатаем наше открытое письмо к Жоресу⁹, появившееся в печати 8 июня 1905 г. в газете L'Humanité¹⁰, а затем в русском переводе напечатанное в «Освобождении» (№ от 21 июня того же года)¹¹. Содержание этого письма, на которое Жорес отвечал в свое время весьма сочувственной передовой статьей в своей газете (от 10 июня)¹², тогда, в 1905 г., было отчасти как бы опровергнуто и сведено на нет событиями, поскольку царь и его правительство все-таки сумели заключить мир с Японией, но то было лишь кажущееся опровержение, лишь историческая отсрочка, которую после японской войны события дали Николаю II. Этой отсрочкой павший монарх по своим умственным и нравственным его свойствам не способен был воспользоваться, и это привело к окончательному крушению в 1917 г. С другой стороны, содержание моего письма к Жоресу было изумительно оправдано последующими событиями, поскольку эти события принесли именно тот союз западных демократий с демократией русской, которого я так страстно желал и который я предрекал в 1905 г. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что мое письмо к Жоресу было первой на русском языке формулировкой той неизбежной для России демократической внешней политики, которая вытекла из всей истории нашего государства.

Русская революция и мир Открытое письмо Жану Жоресу

Многоуважаемый гражданин Жорес!

Хотя вы, в качестве решительного социалиста, занимаете резко очерченную политическую позицию, искренние демократы всего мира привыкли видеть в вас самого мощного и последовательного выразителя лучших стремлений великой французской демократии. В то же время весь цивилизованный мир знает вас как одного из самых неутомимых и бесстрашных практических борцов за идею мира. Вот почему я, будучи представителем конституционно-демократического течения русской оппозиции, позволю себе обратиться именно к вам с изложением мыслей по жгучему вопросу о мире на Дальнем Востоке в связи с неизбежным полным переделом русской внутренней и внешней политики.

Перед нашими глазами разворачивается великая всемирно-историческая драма. Адмирал Того¹³ 27–29 мая открыл новую эпоху в истории не только воюющих на Дальнем Востоке стран, но и всей мировой политики¹⁴. А мировая политика стоит в тесном взаимодействии с развитием политических и социальных отношений всех народов, со всей историей человеческой культуры.

России нужен мир. Но самодержавное правительство теперь не может уже дать мира русскому народу. Это не есть удобная для политической агитации фраза, это

То, что произошло, есть прежде всего государственный переворот, чреватый многообразными социальными последствиями. Но в пережитом еще важнее, чем политический переворот и идущие вслед ему социальные преобразования, — тот громадный и спасительный нравственный толчок, который мы все испытали. Мы пережили историческое чудо. В отличие от чудес внешних, то, которое совершилось над нами, не только изменило окружающую нас обстановку, оно прожгло, очистило и просветило нас самих. Ураган, над нами пронесшийся и сметший вековые здания человеческих учреждений, прошел через наши души и принес им новый воздух. Мы дышим теперь не тем воздухом, которым дышали три-четыре недели тому назад.

Этот переворот, великий в своей быстроте и простоте, требует от нас действительно служения Добру — во имя высших начал, которым должна быть радостно подчиняема личная и общественная жизнь человека.

В эти минуты исторического чуда — оно же суд истории и возмездие — мы должны хранить любовь к Добру и веру в него. Ибо, когда вековая неправда и вековое насилие рушатся, как карточный домик, то чему это приписать? Неужели силе ненависти?!

Нет, зло само в себе оскудело и обрушилось, а Добро соблюло и выявило себя. Во внутреннем бессилии и крушении зла обнаружилась вечная сила Добра.

Будем хранить в себе, беречь и растить для Родины эту силу Добра, как стихию нравственную, всячески сопротивляясь тому, чтобы в нас она вновь уступила место бездушной механической силе.

Новая жизнь и нашего государства, и всего мира должна быть отныне основана на началах полной свободы, любви к человеку и веры в добрые силы его природы.

Это требование полно для нас глубокого смысла, ибо и исторический опыт, и непосредственное чувство говорят нам, что рядом с живящими силами Добра в человеческой природе таятся и мертвящие силы зла. Эти злые силы будут покушаться, обольщая нас, возвести, вместо разрушенного, новое здание насилия, основанное на ненависти и разобщении людей. Неслыханное до сих пор мгновенное единомыслие людей сотворило историческое чудо русского освобождения. Памятуя, что великое освобождение, данное нам могущественными силами истории, обязует нас к великому нравственному подвигу, будем всячески бороться против пагубных соблазнов ненависти и разобщения.

Твердыня зла пала в России. Однако еще не сокрушена другая, не менее злая, но более опасная сила — германское насильничество, зажегшее мировой пожар во имя своих захватных идеалов. Пребудем едины и тверды пред лицом этого врага, и тогда и это здание лжи и насилия рухнет в кратчайшее время.

* * *

«Русская свобода», являясь в политическом отношении продолжением «Освобождения»⁴ 1902–1905 гг., будет ставить и отстаивать те широкие задачи укрепления свободы и развития культуры, которые после манифеста 17 октября⁵ проводили в 1905–1906 гг. наши еженедельники «Полярная звезда»⁶ и «Свобода и культура»⁷. Для этих громадных созидательных задач теперь наконец открылся широчайший простор. Россия и ее культура, наконец, могут стоять на своих ногах и двигаться свободно. Это радость безмерная, но она же налагает на нас и великую ответственность. Приобщившись к свободе, станем свободными и ответственными творцами культуры.

правильности такой характеристики Струве цитирует статью Горького¹¹⁰ и черносотенную прокламацию. Этот прием оратора вновь вызывает шумные протесты слева.

Неверно утверждение, что утомление от войны вызывает в широких массах стремление от войны избавиться. Война произвела глубокое изменение экономических отношений, и революционная ликвидация войны ввергла бы массы в испытания более тяжкие, чем испытания, налагаемые войной. Царящая у нас анархия — прообраз того, что должно дать внезапное прекращение войны, и я утверждаю, что утомление, вызванное революцией и анархией, больше того утомления, которое вызвано войной.

В некоторых буржуазных кругах ошибочно полагают, что мир спасет нас от анархии. Этим я прямо скажу: не основывайте вашего отношения к войне на мелких и жалких соображениях внутренней политики. Я нисколько не стыжусь того, что ни прямо, ни косвенно никого не призывал к этой революции, ибо революцию в условиях войны я считал и считаю несчастьем русского народа. Я ненавижу анархию, но ценою мира, недостойного России, не желаю покупать избавление от нее.

Свою речь П.Б. Струве заканчивает указанием на то, что он является сторонником передачи власти в левые руки. Но это невозможно, так как немедленно пришло бы к катастрофе, государственному банкротству и военному разгрому России.

По материалам газеты «Новое время»¹¹¹

Возражение кадетской партии

Струве. Мы понимаем речь министра иностранных дел как минимум тех требований, которые государственная мысль может выставить по вопросу о мире. Этот минимум находится под большим и вредным влиянием...

Голоса слева. Империалистов...

Струве. ...но мы его все-таки приемлем, ибо он показывает, что со времени появления зловредной формулы «без аннексий и контрибуций» министр все-таки кое-чему научился. Мы приветствуем министра, в особенности в том отношении, что благодаря его — правда, отрицательной — заслуге министерство иностранных дел до сих пор остается довольно неприкосновенным: в него еще не проникли те дилетанты и невежды, которых мы, к сожалению, слишком много видим кругом. (*Аплодисменты направо.*) Это, конечно, объясняется искусством министра обращаться с людьми и патриотизмом тех людей, которые отозвались на его призыв. Представлять Россию во внешних сношениях сейчас дело очень трудное.

На этой кафедре, критикуя отдельных лиц, мы будем бороться не с лицами, а с теми вредными идеями, которые они распространяют в России. Мы понимаем свою задачу двояко. Во-первых, мы должны давать конкретные советы правительству; во-вторых, мы должны влиять на общественное мнение страны, создавая такую атмосферу, в которой могла бы развиваться настоящая власть. Если мы аплодировали таким левым, как Кускова¹¹² и Аксельрод¹¹³...

Голоса слева. Они не левые!

Струве. ...то это происходило оттого, что в их речах звучит здоровое национальное чувство. Оказывается, к сожалению, что эти люди бессильны в России. Россия в настоящее время представляет собой аукцион, на котором русская душа продает-

ся предлагающему наивысшую цену. У нас влиянием пользуются люди бесстыжие, люди зычные, люди, выдающие какие угодно векселя в твердом намерении не платить по этим векселям. (*Большое волнение налево.*) Один оратор левого фланга издевался над тем обстоятельством, что во всем Совете Российской республики фракция «Единства»¹¹⁴ имеет только одного представителя. Вам следовало скорбеть об этом обстоятельстве так же, как и нам. (*Аплодисменты направо, шум налево.*)

Голоса налево. Почему скорбеть?

Струве. Потому что на вас не оказывает никакого влияния Плеханов¹¹⁵, основатель русской социал-демократии! (*Аплодисменты направо.*) Мы недаром живем в сумасшедшем доме. Ведь вы сами признаете, что вами разбужена стихия, справиться с которой вы не можете. Ваши ораторы все спрашивают: для чего мы воюем? А между тем, ответ дает сам враг, приближаясь к Петрограду. Один из ваших ораторов упрекал кадет в том, что они не определяют целей войны. На каком расстоянии от этого зала должен находиться враг для того, чтобы вы поняли кадетские цели войны? (*Аплодисменты направо.*) Враг идет в нашу страну все глубже, а пустословие развивается все шире и шире.

Одним из наиболее ярких примеров этого пустословия является так называемая «активная внешняя политика». Активность во внешней политике, как вы ее проведете, совершенно совпадает с пассивностью в деле обороны. (*Аплодисменты направо.*) Вы говорите, что Милюков употреблял тон бедной родственницы. Так ли? Не ваши ли делегаты, выпрашивая мир, ездили по Европе, стучались во все двери и отовсюду получали отказы, все более и более презрительные? Тот, кто так выпрашивает мира, дождетя, что мир ему будет продиктован мечом. Мы спрашивали вашего оратора: как заключить мир немедленно? как это сделать сразу? Он ничего не мог ответить, потому что никто на этот вопрос не может ответить.

Начиная со второго дня революции вы ведете пропаганду мира на вздорных, утопических началах. Я был в самом центре революции и знаю, что 3 марта здесь уже разъезжали таинственные автомобили, распространявшие весть о вспыхнувшей в Берлине революции и о смерти Вильгельма¹¹⁶.

Голоса слева. Не было этого.

Струве. Было! Все видели! (*Продолжительный шум налево; аплодисменты направо.*) В ту же категорию я ставлю нелепые разговоры о том, что эту войну ведут империалисты разных стран. Того, кто, как я, видел опустошение Франции, надругательство над Францией, — того вы не уверите, что эту войну ведут правительства вопреки воле народа. То же самое применимо и к англичанам. Вспомните, что вам говорил Гендерсон¹¹⁷. (*Аплодисменты направо.*)

Я долго жила в Германии и хорошо ее знаю. Для меня германские социалисты — это не имена, вычитанные из газет, а живые люди. Вот, что я вам про них скажу: они прежде всего немцы, а кроме того, они хорошие буржуа. (*Смех направо.*) Именно как немцы, как буржуа — они совершенно неспособны делать революцию. Поверьте, что самый смиренный русский кадет более революционен, чем самый свирепый социал-революционер в Германии. (*Аплодисменты направо.*) Германские социал-демократы все проникнуты мыслью, что социализм есть мирная организованная борьба, ничего не имеющая общего с большевизмом. Немецкие социал-демократы ближе подошли к социалистическому идеалу, чем вы, потому что они больше стали буржуа, чем вы. (*Протесты налево.*) Для того, чтобы предводительствовать массами, вы еще

не созрели, вы еще не получили достаточного буржуазного воспитания. (*Протесты налево; смех направо.*)

Только потому, что вы рассчитывали на германскую революцию, вы пустили в ход ваши бессмысленные формулы. Россия воюет без аннексий, но и без Риги и Эзеля. Россия воюет без контрибуций, но с теми миллиардами расходов, которые вызываются затянутой вами войной. Вы не понимаете того, что можно ставить во время войны какие угодно цели, но обязательно сопровождая их соответственным аппаратом; без аппарата, без армии — эти цели будут пустословием. Так как вы расшатали аппарат, то в настоящее время, — это признал и министр, — мы находимся дальше от мира, чем в начале революции. Это нужно постоянно повторять, чтобы заклеить тех, кто преступной агитацией затянул войну!..

Вы выставили фантом русского империализма и сказали, что кадеты империалисты. Но кадеты борются за неприкосновенность русской территории и за свободу нашего экономического развития. (*Аплодисменты направо.*) Кадеты борются еще со всякой программой, противоречащей этим принципам, как с изменой Родине. (*Аплодисменты направо.*)

Только тупоумие может утверждать, что мы сейчас сражаемся не за наши интересы, а за интересы наших союзников. И это — в тот момент, когда речь идет об эвакуации столицы.

Голос слева. За Дарданеллы.

Струве. Дарданеллы не взяты, а Рига нами уже потеряна. Верным является как раз обратный тезис: теперешняя война является прежде всего войной Германии с Россией. Германия напала на Россию, учитывая наш подготовлявшийся государственный распад. Вспомните, в каком трепетном ожидании мы находились в течение тех дней, пока нам не было известно, выступит ли Англия или не выступит. (*Бурные аплодисменты направо.*) Если бы Англия не выступила, то, поверьте, мы сейчас с вами здесь не заседали бы. Чем страшна Германия? Это давно раскрыто германской литературой. При здоровом развитии России мы можем представить для немцев такую опасность, с которой они не будут в состоянии справиться. В теперешней войне мы, прежде всего, защищаем самих себя. Германии не удалось нанести нам сокрушающего удара. Ибо наша армия была превосходно обучена и великолепно дисциплинирована. Это показал славный галицийский поход, один из вождей которого присутствует здесь. (*Бурная овация; генерал Алексеев встает и кланяется; вся правая половина, продолжая аплодировать, поднимается со своих мест.*)

Голос слева. Это Корнилов?

Струве. Корнилов, после почти смертельных ран, бежал из германского плена. Его честное имя мы здесь считаем честным! (*Эти слова, произнесенные с большим подъемом, вызывают на левом секторе неопишущую бурю; социалисты беснуются, кричат что-то о государственном преступнике; скандал продолжается минут пять; председательствующий лишь с большим трудом восстанавливает спокойствие.*)

Струве. По этому поводу я сошлюсь на украинские дела. Верховному комиссару Станкевичу¹¹⁸ украинский съезд заявил, что украинские войска будут сами заключать сепаратный мир, если правительство их не послушает. Представители этого съезда еще не арестованы. Как же можно говорить о том, что Корнилов — государственный преступник? (*Аплодисменты направо.*)

(Оратор продолжает при напряженном внимании зала.)

Большевицкий яд

Осуществляется адский замысел Германии, — говорит Струве, — сокрушение и расчленение России. Правительство считается с этим весьма неумело и плохо. Вообще после революции начались эти плачевные уступки новой власти и оргия большевистской интернациональной агитации. Большевизм — это смесь интернационалистического яда со старой русской сивухой. (*Аплодисменты справа, шум слева.*) Этим ужасным пойлом опаивают русский народ несколько неисправимых изуверов, старых и молодых, подкрепляемых тучей германских агентов. Давно пора этот ядовитый напиток заключить в банку и по всем правилам фармацевтического искусства поместить на нем мертвую голову и надпись «яд».

По Петрограду бегают мальчишки и в запечатанных конвертах раздают прокламации: «Православные, царь Николай хотел мира, хотел бросить проклятых англичан, французов, итальянцев и прочих буржуев, и наши дворянчики и купцы с фабрикантами и заводчиками, которые по заморской указке морят вас теперь голодом и холодом, сбросили его с престола. Если вы хотите хлеба и мира, гоните извергов вон и верните Николая назад. С ним вернется мир, будет и хлеб»¹¹⁹.

К какой части характеристики большевизма эта прокламация относится — я позволю вам судить самим. (*Шум слева, возглас: «Это накануне крестного хода. Смех.*)

Крестный ход устраивают казаки, и они сумеют, если пожелают, защитить Русскую республику лучше вас, — под шумные аплодисменты отвечает оратор. Левые шумят.

Опасность революционного мира

Люди, пропагандирующие немедленный мир, вводят русский народ в тягчайшее заблуждение. Утомленным от войны массам внушают мысль, что стоит только во что бы то ни стало избавиться от войны, как им станет легче и лучше жить. Это не только не верно, но как раз прямо обратное. (*Возглас слева: «Это оригинально».*) Немедленное прекращение войны будет означать внезапное, почти катастрофическое ухудшение положения городских рабочих масс и вообще широких слоев городского населения. Вы ввергнете городские массы в ужасное бедствие. Это верно для всех стран и сугубо верно для всей России. Революционная ликвидация войны ввергнет массы в испытания более горшие, чем испытания, налагаемые войной. (*Иронический возглас слева: «Вообще не надо мира заключать».*)

Мир сам по себе без оздоровления социальной государственной жизни ничего не дает, и в этом случае я должен обратиться не только налево, но и направо. Я принадлежу к буржуазии, вероятно, потому что существует старое социал-демократическое изречение: «У пролетария нет отечества». Я буржуа только потому, что у меня есть отечество. (*Аплодисменты справа.*) Я принадлежу к цензовым элементам только потому, что у меня есть некоторый образовательный ценз, потому что ни клочка земли, ни обрывка промышленных акций в моих руках нет.

Речь оратора все время прерывается шумом и возгласами слева. Эти возгласы заставляют его все время делать длительные паузы.

— И в правых, цензовых кругах нередко встречается лозунг, рожденный слабостью и опасением, что мир спасет нас от анархии.

Научное издание

Петр Бернгардович Струве

«Русская свобода и Великая Россия».
Публицистика 1917–1920 гг.

Издательская программа Фонда «Связь Эпох»

Подготовка текста: *А.А. Чемакин*
Корректор: *З.А. Колеченко*
Выпускающий редактор: *Л.А. Катренко*
Художественное оформление: *М.А. Миллер*
Верстка: *С.В. Панфилов*
Подготовка иллюстрации: *П.М. Ермаков*
Подготовка к печати: *С.В. Панфилов*

Фонд «Связь Эпох»
123376, Москва, ул. Красная Пресня,
д. 28, стр. 2, оф. 305
Тел.: (499) 253 43 64
E-mail: fond@svyazepoch.ru
<https://svyazepoch.ru/>

ООО «Издательский центр «ВОЕВОДА»
127543, Москва, ул. Лескова д. 13А, пом. 3П

ISBN 978-5-9907253-3-1

Подписано в печать 30.11.2020
Формат 170 × 240 мм
Усл. печ. л. 28,38. Тираж 1000 экз.
Заказ № 8552

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (495) 270 73 59
sales@chpd.ru; www.chpd.ru